

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

ГЕРМАН ГОРШЕНЕВ

ИДДК

ГАНСЛЕР

Герман Анатольевич Горшенев
S-T-I-K-S. Ганслер
Серия «S-T-I-K-S»
Серия «Миры Артёма Каменистого»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69492649

Аннотация

Внешники, они такие. Какие такие? Вот такие, обычно другие, но эти именно такие! Книга о суевериях и странностях Стикса. Кстати, в этом загадочном мире искренние желания имеют свойства исполняться, и если загадываете что-то на тему личной жизни, то особо внимательно продумайте что будете делать, если не понравится.

Ах, да! Вам часто глядят мозги, рисуют секретные карты на туалетной бумаге и дают возможность вдоволь напиться с фарфоровой собутыльницей? Нет? Странно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	53
Глава 4	72
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Герман Горшенев

Миры Артёма Каменистого.

S-T-I-K-S. Ганслер

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Горшенев Герман

© ИДДК

* * *

Глава 1

Кулеровый коктейль

Это уже традиция такая. Когда ты руководишь целым регионом продажников и каждый из них великий и неповторимый, да ещё и талантливый, то ночёвка на рабочем месте раз в квартал давно приобрела именно форму традиции. Завтра до четырёх вечера надо отправить все отчёты в налоговую, и хрен бы с ней, потом можно уточнёнки сдать, и этим занимаются бухгалтеры, а вот отчёты по отгрузкам рецептурки надо сделать сегодня и до утра загрузить в базы федералов. Всегда можно отбрехаться, но если выскочат отклонения в несколько тонн неправильно оформленной наркоты, то потом, конечно, всё найдут, разберутся, но головняка целую кучу огребёшь на пустом месте, и пока я сам не увижу все цифры, ни с кого не слезу.

Поставил на стол очередную чашку кофе. Ко мне подошёл Алексей. Он наш главный компьютерщик и всегда нёс ночную квартальную вахту со мной. Как и все руководители отдела ИТ, мог заменить бухгалтера, сисадмина и даже выступить в качестве электрика, если свет вырубит. Он сам вызвался работать в офисе. Пробовали несколько раз на удалёнке, но постоянно возникали вопросы, требующие личного присутствия и, плюнув на все технологии, наш хозяин сер-

веров приехал в эту ночь в офис.

Парень был одет в военную форму времён второй мировой войны. Не могу сказать какая, но не русская. Держал в руках огромную и тяжёлую сумку, скорее даже – базарный чувал из брезента. Алёша был безумный реконструктор, фанат исторических пострелушек и маханий мечами. Он как-то в одну пятницу в полном рыцарском приходил. Поклацал несколько часов латными перчатками по клавишам и укатил на бугурт, своим друзьям тяжёлыми и корявыми предметами по головам стучать. Я глянул, как сосредоточенно он тянул сумку из офиса.

– Мадлен Исмамович, – начал парень, – мне надо домой на несколько часов, у матери кран на фильтре потёк, я вернусь до утра.

– А чего в форме? Кого мочить будете? А в сумке противотанковое ружьё? – пошутил я и почти угадал.

Заговорить с реконструктором – это не так страшно, как с веганом о еде, но немного дольше, чем с простым коллекционером. Мне продемонстрировали настоящий «Томпсон», разумеется, гражданской модели, без очередей. За несколько минут я получил подробную инструкцию о неполной разборке и чистке автомата, целое обстоятельное наставление о перезарядке оружия, что делать, если заклинил патрон, и было продемонстрировано содержимое сумки. Восемь бубнов с холостыми патронами, два с боевыми, которые были завёрнуты в кулёк и на всякий случай замотаны стрейч-лентой,

чтобы ни при каких обстоятельствах случайно не попали в ствол в момент развесёлой игры в американских десантников и противных фашистов. Даже было продемонстрировано некое устройство, такая хитрая трубочка, которая вставляется в ствол. При её наличии автомат прекрасно стрелял холостыми, которые, как я понял, немного короче боевых, но при попытке засунуть в патронник боевой патрон затвор не закрывался, а оружие клинило. Без этой фигни не охолощённые автоматы, пулемёты и гранатомёты к потешным стрельбам не допускались.

Воспользовавшись заминкой, пока мои уши ещё были недостаточно заполнены, Алексей продемонстрировал коробки запасных холостых патронов и ещё две боевых, также завёрнутых в полиэтилен и стрейч. После реконструкции предполагалась стрельба по бутылочкам, а пустых бутылочек могло оказаться несколько больше, чем можно расстрелять из двух заранее заряженных дисков. Восьми бубнов с холостыми тоже могло не хватить, ведь высадка бравого американского десанта на голову фашистам могла затянуться или зрители потребуют выхода на бис. Видя, что мой админ вошёл в боевой транс и желал вывалить на меня все знания мира по этой теме, я его остановил:

– Лёша, слушай, два часа ночи. На фига тебе ствол таскать? Оставь в комнате для образцов. Ключи есть только у меня и Анаиды Каримовны. До утра отлично полежит.

– Можно? – удивлённо спросил мой айтишник.

– Нужно! Если менты тебя с такой сумкой среди ночи загребут, то до утра точно не отпустят, а ты мне тут нужен.

Сумку нашего компьютерщика отволокли в комнату, и я закрыл дверь, которая может составить конкуренцию многим сейфам. А что? Торгуем фармацевтикой, и у нас только в этой комнате с образцами всяких ядов и «колёс» под сто килограмм лежит. Я заулыбался. Контора в приёмной и переговорной заставлена пафосной кожаной мебелью, торгует тоннами наркоты и цистернами спиртосодержащих препаратов, и чтобы завершить образ – «Томпсон» в сейф сунули. Понятно, что каждой таблетке учёт, но прямо в тему автомат подогнали. Это не метафора. Компания действительно занимается фармацевтикой, и сильнодействующие препараты проходят десятками тысяч пачек, а что менее забористое – тоннами.

Алексей убежал к приехавшему такси спасать мамин кран, а я вернулся за стол и оглядел пустой офис. Сегодня ночью я работаю совсем не один. Множество МОПов и РОПов¹ по всему региону рыли цифры, а мой Ватсап и почту уже завалили сообщениями. Вот буквально полминуты дал себе на допить кофе и полностью погрузился в занудные цифры.

Свет мигнул.

Я глянул в окно. За стеклом был туман, воняло кислятиной, половина домов города стояла чёрными коробками. Странно. Локальная сеть в офисе работала, но интернета

¹ Менеджеры и руководители отделов продаж.

не было. В нашем городе имелась своя небольшая тепловая станция рядом с металлургическим комбинатом, и свет отключали крайне редко. Даже во времена веерных перестрочных отключений наш город всегда был при электричестве. Наверное, что-то с главной подстанцией, вот полгорода и отключило. Написал SMS Алёше и получил ответ: «Чиню кран». Мессенджеры не работали. Наверное, сервера интернетчиков размещены в той части города, которая сейчас сидела в темноте, а богатых учредителей, которые оснастят здание системой бесперебойного питания, не было.

В бизнесе на миллиард не бывает дорого, а бывает только жадно, но в фармацевтике есть особенность – надо под срок. Кучу отчётов необходимо сдавать ни минутой позже, чтобы не попасть в первые строчки отчётов уклонистов, и не раздражать прикормленных проверяющих. На электроснабжении наши большие боссы не экономили. Они закупили самую современную систему резервного энергоснабжения с грудой аккумуляторов, резервной линией интернета и бензиновыми генераторами в подвале. В нашем здании свет был всегда. За всё время моей работы пользовались этой системой всего дважды, но как раз в те самые дни отчётов. Вот такое совпадение, как, впрочем, и сегодня.

Вернулся к столу и стал клацать по клавишам ноутбука. Просидев несколько часов, не поддаваясь на провокации умных часов, которые задолбались показывать мне нагибающегося человека, предлагая немного размяться, я сосредото-

точенно работал. Свет во второй половине города так и не дали, связь работала только по внутренней почте и звонкам внутри города. Наверное, мобильные операторы тоже не озаботились бесперебойниками или отключились какие-то внешние линии. В общем, всё, что могло раздражать, сегодня произошло и бесило нереально.

Ближе к утру, когда наступает самое тёмное время суток, начали слышаться выстрелы. Вначале одиночные, затем пошли очереди из автоматов, и даже несколько раз глухо бумкали взрывы. Странно. В моём небольшом городе происходило что-то совсем неправильное. Стрельбу на улицах тут не слышали со времён второй мировой, тем более в таких количествах. Пронеслись несколько машин с сиренами, разрывая тишину. Я набрал Алёшу. Квартира его мамы находилась в тёмной половине города. Номер моего сисадмина был недоступен. Сделал ещё несколько звонков. Телефоны или не отвечали, или были выключены.

За стальной дверью нашего офиса раздался нездоровый шум и мат, причём ругался один человек, а все остальные сопели, рычали или даже утробно ворчали. Вашу мать, да что там такое? Я бросился к двери, но предварительно глянул на экраны камер.

На ресепшен имелось несколько экранов системы видеонаблюдения, где можно последить за четырьмя входами в здание и почти всеми коридорами, только надо пощёлкать мышкой на мониторе. Экран около входа в наш офис всегда

был первым.

Мужика били, но как-то странно. Собственно, он один и орал матом, а остальные пытались его раздавить или даже разорвать голыми руками. Кулаки в ход никто не пускал, его мяли и кусали. Среди навалившейся публики я заметил несколько знакомых лиц с нижнего этажа. У них был сегодня корпоратив, и они могли накуриться, но среди мнущих мужика в военной форме находился и наш охранник с нижней проходной. А этот-то чего? Скромный дедулька мог тяпнуть немного, но никогда не напивался и в такое состояние себя ввести не мог.

Вояка был прижат спиной к двери моего офиса, и я открыл дверь, а затем вволок избиваемого за шкуру. Наверное, с мозгами после укурки у нападавших было не того, поэтому на появившуюся щель и выдернутого внутрь мужика компания отреагировала с запозданием, и я ограничился только парой пинков по рукам особо цепких. Пока выдёргивал спасаемого, дальше по коридору заметил несколько тел с выдранными кусками мяса, как будто бензопилой резали или зубами рвали.

Спасаемый скрипел зубами, едва не теряя сознание. Его трясло. Раны были неглубокие, но обширные и болезненные. Ноги и руки имели следы укусов, царапин и во многих местах сочились сукровицей. Перетащил камуфляжного поближе к комнате для хранения образцов, усадил, оперев спиной на стену, и отправился за лекарствами.

Комнатой помещение только называлось. Это был самый настоящий склад с железобетонными стенами, под который отведено почти полсотни квадратов. Тут мы много чего держали, просто если назвать её комнатой для образцов, то это одна лицензия, а если складом специального хранения, то замучаешься бумажки получать. Я вытолкал ногами короб с обезболивающим, размером с треть холодильника, разре-зал канцелярским ножом внушительную упаковку из гофро-картона, вынул коробку и открыл её, достал оттуда пачку, из пачки вынул ампулу и поставил на стол. Затем сходил и при-волол короб со шприцами, из которого вытащил коробку с двумя сотнями и извлёк упаковку на двадцать штук. Один из шприцов оторвал и положил около ампулы. Ещё раз посетил кладовую и вернулся с пятилитровой канистрой спирта.

Ватки нигде не оказалось, потому просто надёргал бумаж-ных салфеток из пачки, намочив спиртом из пятилитровой канистры. Тщательно вытер ампулу, а затем протёр смочен-ной в спирте салфеткой рану вояке. На канистру со спир-том и коробки, в которые были упакованы шприцы и обез-боливающие, мужик подозрительно косился, даже несмотря на своё состояние. Повреждения у него наверняка очень бо-лезненные. Всё тело было в гематомах и множестве царапин, которые виднелись из-под одежды и сквозь дыры порванной формы.

После моих уколов камуфляжный постепенно приходил в себя. Обезболивающие действовали. Изначальное моё обра-

зование экономическое, но как руководитель всей этой банды таблеточных продажников, я был в курсе почти всех лекарственных средств и за эти годы столько наслушался, что мог посоревноваться в знаниях с немалым количеством фармацевтов. Это особенно касалось моего профиля – сильнодействующих и специальных препаратов, который далеко не всегда можно встретить в обычной больничке, а большую часть производства мы сразу отправляли по спецучреждениям.

Когда мужика немного попустило, мой спасаемый улыбнулся и показал на пятишку спирта:

– Налей мне стаканчик из своей канистры.

Я сдёрнул из держателя пластиковый стакан, налил на треть спирта и долил немного воды из кулера. Слегка подождал, пока смесь перестала греться, долил ещё немного холодной воды, чтобы не предлагать бодягу тёплой, и протянул вояке. Он выпил залпом, резко выдохнул:

– Хорошо, но мало. Всё равно не выберемся. Встрял ты, мужик, по самые яйца в жопе.

И начал рассказывать.

Ещё когда я услышал выстрелы на улицах и увидел отключение наших самых бластных и выделенных линий связи, то сразу заподозрил неладное, но на такие масштабы не рассчитывал. Всё было просто и неправдоподобно до кучи. Я со всем городом попал в другой мир. Почти все превращались в зомби, жрали друг друга, а из их голов надо шарики

выковыривать и в спирте разводить. Были такие, как я и он, иммунные, но очень мало. На одном и том же месте появлялись новые города, а вещи ничего не стоили. Всё весело и незатейливо.

За окном разгорались пожары, обезумевшие соседи скреблись в стальные двери офиса, и если это дурной розыгрыш, то шутникам надо было обесточить полгорода, сжечь несколько кварталов и загрызть несколько человек на пороге. Я хорошо отличаю разорванное с мясом горло от имитации ран, как на реконструкциях, на которые не раз был приглашён Алексеем в качестве зрителя.

Мужик продолжал рассказывать:

– Тут орда прошла. Такие здоровенные твари были. Здесь их отродясь не водилось. Я с двумя мужиками прикрывать остался, думал пацанов спасти. Я пожил, но кто же знал, что с другой стороны ещё одна орда тварей шла. Один я выжил, как, мать его, самый старший, а потом твой дом увидел. Он единственный на весь квартал со светом был, а решётки до третьего этажа, – сокрушённо говорил мой спасённый, потрясая пластиковым стаканом и требуя третьего обновления моей самодельной водки из кулера.

Себе я тоже навёл кулерового коктейля и внимательно слушал. Обезболивающие подействовали, и мужик начал чувствовать себя получше. Улыбнулся мне и почти риторически и не без подкола спросил:

– Может, у наркобарона ещё и оружие есть? Я пустой. У

меня к пистолету пол-обоймы осталось.

Я не верю в суеверия и прочую тупость, а вот в жизненные знаки, личную удачу, везение и прочие вещи верю искренне и не раз испытывал это на своей шкуре. Два дня назад я отправил свою семью к родственникам в другой город и точно знаю, что мои дети не будут съедены потерявшей разум мамой или зашедшими через окна соседями.

Был ещё один знак. Лёша у нас проработал много лет и часто приходил закованный в броню, волокущий кучу бахла перед очередным реконструкторством, но ни разу не оставлял оружие. Мог забыть всё что угодно. Алексей забывал паспорт перед отпуском, и его ссаживали с самолёта, забывал права, забывал на столе пластиковую банку с едой перед выходными, а в понедельник весь офис вонял, и непонятно, как его не убили, но ни разу, ни при каких обстоятельствах он даже наконечника от стрелы не оставил. А вот сегодня, когда моей судьбе было угодно отправить меня хрен знает куда, он оставил мне ствол. Как я понял, сунуло меня в другой мир, наполненный зомби, и мне решили подогнуть «Томпсон» с двумя бубнами и полным инструктажем, как им пользоваться.

Это всё знаки и приметы, только не такие дурацкие, как про чёрных кошек и плевки через плечо, а настоящие знаки, посланные нам свыше, и пропускать их нельзя.

Я улыбнулся своим мыслям. Мне ещё и двухминутную лекцию о пользовании автоматом и способах перезарядки

бубна удалось выслушать. Как будто мозги заклинило. В другой раз просто забрал бы сумку у моего программера и отправил мамин кран спасать, и не забивал бы себе голову всякой фигнёй.

Я с самым загадочным видом ухмыльнулся и направился обратно в хранилище. После возвращения из чудесной подсобки приволок сумку, достал «Томпсон», положив на стол, освободил диски с боевыми патронами, разрезав канцелярским ножом. Один из них присоединил к автомату, предварительно выколупав фигню, которая не позволяла стрелять боевыми патронами. Это, конечно, не автомат, и стрелять всё равно придётся одиночными, но калибр внушает. Глянул на мужика. Искренне удивлённая рожа сменилась улыбкой от уха до уха.

Хотя нагло ржать вояке мешала обширная рана на боку и, скорее всего, несколько переломанных рёбер, долго терпеть у него не получилось и, преодолевая боль, его накрыло хохотом:

– Едрить-колотить! Пиджак, ты где это взял?

Я слегка пнул камуфляжного по голени ногой, чисто обозначить, что я свои обязательства выполнил, и совещание надо переводить в конструктивное русло, готовый выслушать от него предложения.

Чел приподнял руку, чтобы я его не пинал, и что он готов сам успокоиться. Несмотря на боль в рёбрах и ноге, приступы смеха продолжались довольно долго. Немного успоко-

ившись и утирая слёзы тактической перчаткой, измазанной грязью, он косо глянул на меня:

– Ну, давай расскажу, наркобарон. Может, ещё и живы останемся, но это не точно. И это, тут положено кличками, как у собаки, называться. Тебе имени я ещё не придумал, и кроме наркобарона в голову ничего не приходит, но это плохое имя. Я Вомбат. Когда всё это начиналось, то в порталы меньше капитана не заходили, а я сразу с полковника начал. Потом, как иммунным оказался, так мне сразу кликуху Комбат со всеми изысками лепили, но нас тут не батальон, и со званием пересекается, а это не положено. Какой же я комбат, когда вместе с поварами и умниками на всей базе нас и две роты не наберётся? Если называться званием или должностью выше положенного – это плохая примета. Можно и получить как внеочередное, но, как правило, это посмертно бывает.

Вомбат немного поёрзал, проверяя боль в ранах, довольно заулыбался, оценивая действие моей лечебной химии, и продолжил:

– Я как-то на одного обкуренного утырка наорал, что если прикажу, то он по моему приказу кубиками срать будет. В заграничной зоологии я не того и представления не имел, что животное такая есть, которая именно так срёт. Вот меня Вомбатом и прозвали. Я нашу природу знаю, в любой тундре или тайге с сотни шагов могу жратвы на целый взвод наковырять, а тут случайно получилось.

– Слушай, Вомбат, и что нам теперь делать?

– Ждём беспилотники и сидим тихо. Никогда тут таких крупных тварей не было. Пока их не перебьют, на улицу нос высовывать нельзя. Они такие здоровые, что из пулемёта не всегда пробиваешь. Как только их выбьют, то можно и попробовать.

Сидеть тихо пришлось ещё два часа. Вомбат рассказывал о мире и правилах жизни. За это время он неплохо восстановился благодаря моей химии и мог вполне сносно ковылять.

Поели и немного выпили, сменив кулеровый коктейль на достойный виски. По тумбочкам сотрудников нашлась целая груда отличного спиртного, снеков и печенек. Я жалел только о том, что не смог подобрать замену моему костюму и туфлям. У нас в офисе было с полтонны сильнодействующих препаратов, куча самых навороченных ноутбуков, и даже «Томпсон» с пачкой патронов и двумя бубнами, но никакой одежды и обуви моего размера взамен деловому стилю. Придётся бегать в туфлях и пиджаке, а по краткому инструктажу Вомбата было понятно, что двигаться надо будет очень быстро.

За окном светало, а в небе послышался гул моторов проносящихся летательных аппаратов, открывших плотный огонь из пушек, и множество несильных разрывов.

– Чистят. Надо выбираться, – с небольшим облегчением выдохнул вояка.

– Куда идём?

– В сторону тепловой станции. Там мы броню держим, если кто потерялся. Главное – из дома выбраться, а то набежало тут тварей немерено.

Я подошёл к стойке и пощёлкал по экранам видеонаблюдения. Как начальнику, мне показывали принципы пользования системами видеонаблюдения, только я никогда с ними не работал, а поручал это действие Ренате – неизменной хозяйке ресепшен и делопроизводства. Всё оказалось просто, старая память никуда не делась. Из здания было четыре выхода, и при должном терпении можно подобрать ракурс камер, чтобы просмотреть почти все коридоры. Вомбат стоял за спиной, прося поменять картинку и высматривая дислокацию противника.

– Наркобарон, нам только туда, – показал он на второй чёрный ход, около которого скопилась целая толпа народа, стоящего и раскачивающегося с носка на пятку. Многих я не знал, но было немало соседей с нижнего этажа, где гуляли корпоратив.

– Обязательно в толпу? В тех коридорах только по одному или два завалим. У нас «Томпсон», и у тебя пистолет есть.

– Не. Я же говорил. Сюда с какого-то перепуга крупные твари пришли. Там топтун, а эти двое уродов – лотерейщики. Таких даже целой обоймой автомата не всегда можно убить, да и стрелять не хотелось, а тут – он указал на толпу, – только свежаки, даже бегунов нет. Эти сейчас все сюда сбежались, чтобы их крупные не сожрали. Нам сейчас стрелять

без крайней необходимости нельзя. Придётся локтями распахивать.

Выходили через вторую дверь офиса, где висела пафосная доска ударников производства. Вомбат улыбнулся, скользнув глазами по фотографии нашего регионального директора. Женщина была сфотографирована, как и все, в деловом стиле, но смотрелась крайне презентабельно, обозначив крупную грудь и радостную улыбку.

– Красотка. Я бы у такой начальницы везде поработал, – сообщил вояка, растянув рожу в улыбке.

– Не обольщайся. Ты её прежние фото не видел. Это целая притча про сиськи, – сообщил я, вспоминая свои частые перепалки с начальницей региона.

– Да ладно! Такая женщина!

Но более подробного разговора не получилось. В коридоре мы встретили пару заражённых. Ничего сложного. Когда человек туп и, по словам Вомбата, ещё не приобрёл сил, дарованных новым миром при мутациях, всё было просто. В несколько тычков раскидали заражённых и, чтобы не оставлять противников за спиной, запихали их обратно в кладовку, откуда они и вышли. Парень со спущенными штанами и девка с почти снятой одеждой отправились за дверь укромной комнатки, где, наверное, и обретались, уединившись с корпоратива. Я подпёр дверь стулом из соседнего офиса, чтобы они случайно не нажали ручку и снова не вышли из комнаты.

Дальше был рывок и самая сложная часть плана. Заражённых оказалось много, но мы использовали оружие в виде офисного стола-тарана. Развернув столешницей, отодвинули народ от выхода. Предмет офисной мебели отлично отпихнул обезумевших, не позволяя схватить нас, и дал возможность пройти несколько шагов до микроавтобусов, стоящих во дворе. Мы, удерживая столом напиравшую толпу, дошли до прохода между машинами и, оставив столешницу между ними, побежали.

С такой тупостью я ещё не сталкивался, хотя по своему роду работы видел всякое. Заражённые, желавшие нас порвать, плотно придавили к машинам столешницу, которая теперь мешала им пройти, а мы, пробежав десяток шагов, выскочили в калитку забора, огораживающего двор. Вомбат указал, куда бежать. Он отлично знал город и прекрасно ориентировался, собственно, как и я. Уже хорошо рассвело, и всё было прекрасно видно. Над нами прошёл беспилотник, дав несколько очередей во двор нашего здания.

– Чистят! – залыбился вояка и тут же переменялся в лице, схватил меня за шиворот и заволок за угол, в который прилетело несколько пуль.

– Что? – крикнул я, отплёвываясь от пыли, выбитой попаданиями.

– Мать вашу! Наркобарон, это не наш беспилотник. Это рядом какие-то уроды второй проход пробили. Они нас заметили. Теперь на нас будут охотиться.

Пока я соображал, что произошло, Вомбат выдернул меня из укрытия, развернул и придал мне ускорение тычком в спину:

– Бегом! Летуны связь потеряли.

Беспилотник вначале почти упал, словно провалившись в воздушную яму, а затем выровнялся после быстрого пикирования и сделал три одиночных выстрела в разные стороны из бортового комплекса. Затем машина, лихо заложив разворот, ушла между зданиями. Сделав круг, боевой дрон немного дёрнулся, выравниваясь, и, чуть сбросив скорость, облетел нас по большому кругу.

Мы залегли в канаве, наблюдая сквозь разросшиеся кусты за небом. Вояка облегчённо выдохнул:

– Отлично! Потерял управление, и сейчас искин отрисовывает цифровую карту местности. В Стиксе всё может за десять минут поменяться, и даже если ты был тут день назад, то всё равно надо проверить. Лучше упустить заражённого или дать на несколько залпов меньше по стронгам, чем врезаться в неожиданно появившуюся многоэтажку или столетний дуб. Несколько кругов сделает, и на базу. Вроде отмахались. Теперь беспилотник будет бить только самых крупных тварей и технику местного населения. Если на мелочёвку размениваться, то жопу порвать можно. Тут одних пустышей и бегунов тысячи.

Ещё некоторое время мы сидели в канаве. Как и сказал Вомбат, аппарат шёл по цифровой карте, как можно ближе

прижимаясь к земле, лавируя между деревьями и домами. Насколько я соображаю – это программа такая. Беспилотники недешёвы и являются самым эффективным оружием внешников. Такие машины берегут. Аппарат пролетел ещё один круг и наверняка нас увидел, а мы на всякий случай перебрались в свежую воронку, прикрытую корпусом перевёрнутого грузовика.

– А что ты про сиськи говорил? У директрисы вашей? – с чего-то вдруг решил продолжить наш разговор Вомбат.

– Большая начальница. Целому региональному отделению мозги выносила. У меня с ней на тренинге спор завязался. Она мне мысль доносила про то, что если ты жену любишь и никому она, кроме тебя, не нравится, то для тебя это объективно. Вот так и с товаром. Если продавец настроится, то и другим втулить сможет. А я ей тогда сказал, что если сиськи нулевые, то объективно пятёрочкой они не станут. Она даже немного зависла и начала хрень нести про корпоративную культуру...

– Это точно! Субъективное и объективное восприятие действительности сильно отличаются, а объём – это цифровое значение, и тут не поспоришь.

Плюхнулись ещё раз рожам в землю. Беспилотник по старой памяти сделал несколько выстрелов из бортовой пушки в нашу канаву и ушёл на ещё один большой круг. Искин чисто формально отметил, что стрелял, а мы столь же формально ещё раз вжались в грязь, а затем поменяли наси-

женную воронку на плохо пахнущую, но глубокую и уютную канаву.

Как я понял из объяснений Вомбата, количество заходов на цель у искина ограничено, потому что топливо в баках не бесконечно. Электронный мозг маленького, но опасного самолётника, удовлетворившись тем, что выполнил свой долг, попытавшись достать нас положенное количество раз, поставил виртуальную галочку в своём компьютерном блокноте и улетел. Вдали несколько раз рыкнули орудия бортового комплекса. Очевидно, попались подходящие цели в виде движущегося транспорта или крупного заражённого.

– Эу, наркобарон, так это, что с менеджершей было? – не унимался камуфляжный, пока мы ползали, стараясь не попасться в объективы дальнего обзора беспилотника.

– Ещё неделю всем голову вынимала, а потом на её сиськи один утырок повёлся. Они у неё не огромные, но зачётные, а этот тип из одной бандитской конторы был. Они с торговли наркотой начинали, а потом сеть аптек открыли. В костюмы оделись, а привычки остались. Чем он её так привлёк – не пойму. Прямо единство противоположностей, инь в янь, уркаган и красотка в деловом стиле. Как только свои прелести пристроила, так сразу наш кипиай² и попустило. Полдня можно было в соцсетях просидеть, никто ничего не скажет.

– Хороша начальница, – покивал Вомбат.

² KPI (Key Performance Indicator) – показатель достижения успеха в определенной деятельности.

На всякий случай ещё раз сменили лёжку, переместившись подальше от мест, где мы бегали. Через несколько минут в воронку, канаву и в нескольких местах рядом, упали увесистые фугасы. Землю дёрнуло, ударная волна добротной ударила по барабанным перепонкам. Вполне логично. Беспилотник вышел на связь и передал информацию, где мы, такие нехорошие, скрываемся, а вражеские внешники отреагировали, щедро выдав десятка два фугасов по нашему предполагаемому местонахождению.

Они свой долг выполнили, а мы самым наглým образом сбежали, не рассчитывая отсидеться в уютной канаве. Думаю, выйдя на связь, беспилотник сразу передал наши фотографии, где мы прятались от огня авиационных орудий. То, что мы замечены, было бесспорно. Такие аппараты видят не только в световом и тепловом спектре. Даже если ты находишься за массивной железобетонной плитой, ещё не означает, что о тебе не знают.

– Отмахались. Живём. Два квартала бегом. Теперь стрельй во всех, кого видишь, – сообщил вояка, доставая нож и пистолет, а я просто кивнул и взял автомат поудобнее.

Хоть я и стрелял одиночными, пули «Томпсона» были аргументом. Выбегающих на нас заражённых они сбивали с ног и отлично убивали. Немного замешкались, когда натолкнулись на искривлённую фигуру с перекошенным лицом. Этот был немного крупнее, но Вомбат, подбежав почти в упор, сделал три выстрела в голову, которые прозвучали почти од-

новременно, а я отстрелял половину барабана. Тварь завалилась, потеряв координацию, и начала корчиться и биться в истерике. Мы не стали геройствовать, а просто пробежали мимо, стараясь как можно скорее убраться подальше.

Какие же они здоровые, когда вырастают! Мы в него больше десяти раз попали и не убили. Теперь я понимал, почему Вомбат выбрал дорогу через толпу обезумевших свежаков и даже не пытался пойти в коридор со здоровыми тварями. С теми, кто был обычным заражённым, просто потерявшим разум, всё было как с человеком, и их можно было остановить одним-двумя выстрелами.

Над нами прошёл беспилотник, позади прозвучало несколько взрывов. Аппарат заложил разворот и грохнул из бортовой пушки по целой толпе, увязавшейся за нами. Я спихнул камуфляжного за клумбу, перезарядил автомат, неловко поменяв барабан. Встал и, приложив приклад к плечу, словно в тире, пристрелил нескольких шустриков, успевших пробежать вперёд и уйти от огня с неба.

– Наши! Нашли! – радостно орал вояка, валяясь на земле.

Я стоял и держал в руках свой однострельный автомат, глупо улыбался и смотрел, как возле нас остановился броневик. Парни в добротной экипировке и обзорных противогАЗах смотрели, улыбаясь глазами, а некоторые ржали. Они переговаривались по связи и тыкали в меня пальцами. Ну ещё бы. Посреди разрушенного квартала и дымящихся воронок стоит чудило в костюме и с «Томпсоном». Жаль, не было

шляпы для дополнения образа.

Один из бойцов подошёл, лыбясь во всю рожу:

– Настоящий гангстер – на! Аль Капоне прямо! Где ты такой ствол отрыл и откуда такой взялся?

Лежавший за цветочками мой спасаемый махнул парням рукой, и бойцы его увидели.

– Живой! Вомбат! Командир! – заорали они и бросились к мужчине.

Мне всё больше нравился этот мир, где над тобой летают беспилотники, под огнём артиллерии говорят о сиськах, а утром не надо сдавать региональные отчёты.

Глава 2

Рисунки по памяти

Броневи́к въезжал на настоящую военную базу, а над нашей головой, нарезая круги, летал беспилотник. Мы проехали через огромные металлические ворота и оказались за массивной стеной, украшенной турелями автоматических пулемётов. Метров через триста виднелась ещё одна стена. Она была не такая высокая, но очень толстая. В пространстве между ними стояли огневые точки. Я видел несколько систем залпового огня с толстыми блоками труб, укрытых маскировочной сеткой, внушительных калибров гаубицы и целый ряд разной боевой техники, от танков до многочисленных бронетранспортёров и всяческого вида бронированных внедорожников. Разглядел грузовики, бульдозеры и даже несколько пожарных машин. Всё пространство было изрыто сетью окопов и тоннелей, перекрытых бетонными плитами, и усеяно бетонными дотами. Большая часть техники была под навесами из бетона.

Когда мы заехали во второй периметр и вышли из траншеи, парни в противогазах отправились к сооружению, больше похожему на шлюз космического корабля, а мы с Вомбатом – к обычному дому, в точности напоминавшему двухэтажную казарму. Сооружение было сделано без изыс-

ков, с обычными металлопластиковыми окнами и дверью с облупившейся краской, около которой стоял скучающий парень. Он укрылся от солнца под козырьком над дверью. Увидев командира, караульный совершенно не по уставу подбежал к нам и радостно запрыгал вокруг, словно домашний пудель, встречающий хозяина на пороге дома. О спасении Вомбата все уже знали по связи, но одно дело услышать, а другое – увидеть своего обожаемого командира.

– Отведи к Камишке. Пусть оденет, накормит и устроит, – обратился он к парню и, повернулся в мою сторону: – Мне тут кое-что надо срочно выяснить, вечером ко мне.

Вомбат ушёл по делам, немного прихрамывая и поскрипывая зубами. Моя химия была великолепна, но я собирался убрать только основную боль, чтобы камуфляжный мог бегать, а не делать вояку бесчувственным телом, не знающим боли. Да и времени прошло довольно много, так что лекарства уже должны были перестать действовать.

Камишка оказалась весёлой девушкой, щебетавшей и одновременно ухитрявшейся квохтать, словно наседка. Она бегала по моей комнате, пытаясь обустроить мне быт. Я со скоростью гиперзвукового самолёта получил одежду, идеально подошедшую по размеру обуви, направление в душ, после выхода из которого меня ждал целый набор из незатейливых, но по-домашнему вкусных блюд, размещившихся на небольшом столе.

Пока она внимательно следила, как я ем, мне удалось

узнать, что она попала в проект «Отражение», как называли тут переходы в Стикс, в качестве подопытного кролика. В том мире она получила странную, редчайшую болезнь крови, усугубившую ещё одну её наследственную болезнь. Девушка работала из дома, рисуя на заказ иллюстрации для книжек. Будучи прикованной к инвалидному креслу, она совсем не испугалась, когда к ней в дом пришли несколько странных людей с историей её болезни в руках. Гости предложили слетать в другой мир, предупредив, что гарантий никаких. Она сразу же согласилась. Ей могли гарантировать лишь несколько дней увлекательных экскурсий и всеобщего обожания, но она оказалась иммунной, нереально озадачив научников. На некоторое время это повергло девушку в пучину анализов и целый ворох исследований, но потом жизнь в новом мире наладилась, а медики отстали.

«Камишка», как я понял, означало рисунок художника. Имя она взяла в честь своей предыдущей работы. Здесь всем давали собачьи клички, и дама изнывала от нетерпения, какую кличку получу я. Немного рассказав в ответ о своих приключениях, мне удалось выпихнуть заботливую наседку из комнаты и поспать до вечера.

Получение клички стало целым культурным мероприятием. Парни, которые ехали в броневики в противогазах, присутствовали в кабинете в виде говорящих голов, разместившись плотной стайкой на экране большого монитора. Они сидели глубоко под землёй в компании стаканов, с немно-

го осоловевшими глазами, и весело давали рекомендации по поводу моего именованья. В кабинете было ещё несколько незнакомых мне людей без противогазов. Пришли Камишка и парень-часовой. Похоже, меня принимали в свой коллектив, а выдача клички была почитаемой традицией, на которую сползалось почти всё население базы внешников. Камишка зарисовывала что-то в блокноте, на столиках было несколько бутылок со спиртным и бутерброды. Во главе действия находился Вомбат, сосредоточенно клацая по клавиатуре ноутбука.

Ещё в офисе вояка рассказал мне о местном раскладе сил. Я узнал о внешниках, мурах, стронгах, рейдерах и свежаках. Вомбат сразу сказал мне, что если выживем, то он заберёт меня к себе на базу, накормит, снарядит, одарит богатствами, но обязательно попробует уговорить остаться. У внешников постоянная проблема с иммунными, и каждый подобный штык у них на счету. Сейчас я был как новорождённый младенец, которому совсем неохота уходить от заботливых родителей и, конечно, решил остаться, по крайней мере, пока.

Камишка, которая заняла скромное место в углу с небольшим блокнотиком, что-то рисовала. Увидев мой взгляд, она показала язык и на несколько секунд – рисунок в блокноте. Там была моя ухмыляющаяся рожа на фоне сосредоточенного над клавиатурой начальника и веселящихся на экране парней из бункера. Всё было отлично понятно, все узнава-

лись, и всё запечатлено буквально в несколько штрихов. У девушки был огромный талант. В такое количество касаний я не смогу нарисовать даже домик с окошком и солнышком.

Вомбат задумчиво листал мой паспорт:

– М-м-м, да. Канцлер Мадлен Исмаатович. Блин, так с ходу и не выговоришь. С таким именем и кликухи не надо. Мир не тот, откуда наша база проход пробила. Восемь полосок в гербе не совпадают, и серии паспорта такой не было. При печати документов так ошибиться не могли.

– Канцлер – это у меня по материнской линии немцы с болгарами, а отец совсем не болгарин. Ему невесту из своих подобрали. Прекрасная, богатая, бёдра широкие, волосы как ночь чёрные, глаза узкие, словно горизонт, а лицо круглое и плоское, как сковородка. Так и говорил. Отец тогда со всей роднёй разругался и фамилию матери взял, – сообщил я некоторые подробности из своей биографии.

– Намешали, – покачал головой Вомбат.

– Да какой он Мадлен? Он ганстер! – заржали парни с экрана. – Не! Канслер! Вильгельм Махмудович...

– Ганслер! Ганслер! – скандировал один из парней с экрана монитора, ловко собрав всё в кучу, и ганстера и Канслера.

Его клич радостно подхватили все представители бункера, а стоявшие рядом со мной несколько иммунных десантников весело ржали. Вомбат посмотрел на меня:

– Ганслер?

– Мне пофиг, – ответил я.

– Так и запишем, – сказал начальник и склонился над клавиатурой ноутбука.

Затем была пьянка, на которой внимательно следили, чтобы никто не отлынивал, а добросердечная Камишка вызвалась довести меня до моей комнаты после.

Когда, хорошо подвыпившие, мы добрались до моего жилища, девушка уселась на кровать и спросила:

– Я по памяти рисую. Хочешь, я тебя голым изображу?

– Вроде пока ничего такого не было, если только в камере видеонаблюдения не подглядывала, – пошутил я. Наверное, рисование по памяти в моём понимании и понимании Камишки несколько отличались.

– Да нет! По твоей памяти. Вот вспомни себя голым.

Разговор забавлял и походил на наглое ухаживание с подвохом. Как это происходит у художников, я не знал и, приняв ролевую игру, представил себя в позе древнего атлета, кидающего крупную железяку и одетого, как и положено, в костюм грека.

Девушка, видя моё внутреннее сосредоточение, начала быстро рисовать карандашом в своём небольшом блокноте. Она нанесла на бумагу буквально несколько десятков быстрых выверенных штрихов и предъявила своё творение.

Я охренел. Видя мою реакцию, она захихикала.

На картине предстал я, голяком, стоящий у себя дома в ванной перед зеркалом, в лучших традициях голых селфи, когда через зеркало видно и переднюю, и заднюю часть чело-

века. На лице была злость, удивление, неожиданность, испуг и ещё куча чувств. Всё передано с невероятной точностью и узнаваемостью. Мои руки были вскинuty в неестественной позе, а рот хотел выплюнуть уйму ругательств. На плитку пола летели несколько стеклянных бутылочек с духами, кремами и прочей косметикой, чтобы через мгновение разбиться, покрыв всё пространство градом мелких осколков и заполнив ванную плотным запахом косметики.

Я помнил этот момент. Потом мне пришлось вынимать из ступней несколько осколков, как бы осторожно ни ступал по покрытому стеклом полу.

Причиной всему этому была коробка от моей зарядки для бритвы, а вернее её нецелевое использование. Женская половина моей семьи решила, что это отличное место для установки на плоскую коробку всяких духов и прочей стеклянной фигни. Умная и навороченная бритва решила в этот раз не дожидаться, пока я, ругаясь, сниму стеклотару и достану станок, а сработала сенсором и открыла крышку, скинув стекляшки на пол.

После этого я убрал коробку подальше, оставив обычную зарядку с разъёмом, раздал втыки всем, кто попался на глаза, и очень хорошо запомнил ощущение стеклянных осколков в ногах.

– Это у тебя самое яркое голое воспоминание, – захихикала Камишка. – У меня такой дар Стикса. Это и есть по памяти. Всё что хочешь срисую. Ученники меня обожают. Бы-

вает, заберутся куда-нибудь далеко в зону, встретят какую-то дрянь, но увидят только краем глаза, а бывает, что большой заражённый группу порвал. Тогда я могу нарисовать всё, что произошло.

– Про порвал не понял. Ты и с мертвецов рисуешь? – изумился я.

– Ага, но недолго. Всего несколько часов. Противно это, но иногда очень надо.

Камишка решила свернуть тему и перешла в наступление. Нехитрые застёжки расстегнулись, а военная операция по овладению и использованию моего тела в личных целях прошла вполне успешно для обеих сторон.

Шёл второй день, и почти всё время, которое у меня было свободным, Камишка проводила в моей комнате. Иммунных на всю базу имелось немного, чуть больше десяти человек. Вечером, как и вчера, девушка прижалась к моей спине, и я почувствовал, что прижималась она совсем голым телом, а затем призывно засопела в ухо. Я уже давно был взрослым мужиком, второй брак, третий ребёнок. Изображать из себя человека, имеющего моральные принципы, совершенно не имело смысла.

Утром я проснулся довольно поздно. На столе лежал рисунок в традиционной манере художницы. Он был сделан буквально в несколько штрихов. Ума не приложу, как ей удаётся в такое количество касаний карандаша изобразить всё

до мельчайших подробностей. На рисунке изображён я, имеющий половые отношения с очень красивой, высокой, но невероятно худой девушкой. Настолько худой, что зад едва обозначал женские очертания, а грудь была уверенной нулевой. Моя вторая жена тоже длинная и тощая, но по сравнению с этой дамой выглядела вполне себе пампушкой.

Мы были мокрые, замёрзшие, и, очевидно, это оказался единственный способ согреться. Девушку покрывали холодные мурашки и капли воды, а я увлёкся происходящим. Рядом с нами находился небольшой прудик, в котором, сиявший всем счастьем мира, на дне лежал утопленник и призывно булькал.

Картинка была странная. Я потратил несколько минут, рассматривая подробности и изучая рисунок, сделанный Камишкой по памяти. Прокрутил ещё раз свои воспоминания. Возможно, я и мог представить свою жену несколько худее оригинала, но вспомнить ситуацию, когда мы занимались любовью на берегу заброшенного прудика, в котором плавали счастливые во всю морду утопленники, не смог. Почесав затылок и пожав плечами, я отправился на завтрак.

Придя в небольшую столовую, сел за накрытый скатертью стол рядом с Вомбатом. На столе стоял целый арсенал блюд. Обжаренные на гриле креветки расположились рядом с десятком различного рода горячих и холодных закусок. Был омлет, два вида шпикачек и ещё штук пять видов нарезанной колбасы. Камишка металась между кухней и столом, вы-

ставляя яства, а помогал ей тот самый парень, которого я в первый день встретил на посту. Вомбат весело улыбнулся и по-дружески ткнул в бок локтем:

– Уже объездил? Она такая. Сейчас с тебя некоторое время не слезет, а потом немного остынет. Камишка свежую кровь обожает. Как новый иммунный на базе появляется, так за уши не оттащишь, но потом наиграется и легче будет.

Командир продолжил лыбиться, выждав, пока девушка снова не убежала на кухню за следующей переменной блюд, и вполголоса продолжил:

– Вишь расстаралась. Хорошо ты её взбодрил. Она сюда совсем больная попала. Нижняя половина тела вообще не работала. У неё это в первый раз уже в Стиксе было. Смотри, прямо праздничный завтрак девка приготовила. Для тебя старается.

То, что завтрак не рядовой, я понял сразу, просто по количеству блюд. В составе десятка иммунных, бывших на базе, съесть такое количество еды было просто нереально.

– Вомбат, – обратился я к начальнику, водружая на тарелку обжаренных на гриле креветок, – я думал, что в армии больше по перловке и котлетам.

– Ганслер, тут мир такой, что мозги наизнанку выворачивает. Парни, которые в противогазах ходят, питаются тем, что с большой земли передают. Там, конечно, и овощи, и усиленный паёк, да и спиртного изрядно присылают, чтобы народ в бункере не скучал, но еда солдатская, а у нас идиот-

ство пищевое. Если специально перловку не искать, то приходится деликатесы жрать. В четырёх километрах продуктовую базу перезагружает. Они на элитной жратве специализируются. В подвале своя дизельная подстанция. Как свет пропадает, так холодильники на автоном переходят. Почти все продукты несколько месяцев не портятся, а там следующая переагрузка. Обычных почти нет. Я в жизни столько деликатесов не ел. Полтысячи видов колбасы, а морскую дрянью только здесь и попробовал. Раньше мне в голову не приходило за кило этой гадости четверть зарплаты отдавать, — объяснял мне Вомбат, словно дирижёр, размахивая шпажкой с креветками.

– Так всех этих гадов готовить уметь надо?

– Камишка только изображает из себя шеф-повара, а вот парень, которого ты на часах видел, он в семье настоящих поваров родился. Представления не имею, чего его сюда засунули, но родители ресторан держат. Вот он нашу подругу и учит готовить. Из любого морского говна конфету сделает, а если в руки всякая фигня деликатесная попадёт... Я тут такие вещи попробовал, о которых раньше и не слышал. — Вомбат указал на несколько мисочек.

Я выждал паузу, когда Камишка вновь унеслась на кухню, а затем достал листок бумаги и показал начальнику. В её присутствии расспрашивать не хотел, но любопытство подпирало. Девушка весь завтрак крутилась около меня. Первый самый вкусный кусочек она отправляла на мою тарелку.

Поняв, от кого я скрываюсь, Вомбат рассматривал рисунок, развернув его на коленях, прикрываясь столом.

– Ну не знаю. Точно никого не драл около пруда с покойником? – сразу спросил командир.

– Нет. Если честно, жизнь так сложилась, что если и было что-то около водички, то не у пруда, а на пляже с пальмами, и то раза два по молодости, – уверенно подтвердил я.

– Тогда я не понимаю. Когда мы до базы добрались, я сразу нашу художницу попросил мне беспилотник нарисовать, который по нам долбанул. Мы его с тобой только мельком видели, морды в грязь вжимали. Девка мне его так нарисовала, что даже бортовой номер читается. Я теперь знаю, с какой базы его запускали. В рисунке не сомневайся, а про остальное не скажу. Представления не имею, кого и когда ты перед утопленником имел. А может, ты его только краем зрения зацепил, когда он за вами подглядывал? Сам мог не понять, что увидел. Глянь, какая у него рожа довольная.

Вомбат расплылся в улыбке, а я погрузился в раздумья, где и когда это могло быть.

Следующие несколько дней я бродил всюду, где можно было находиться иммунным. Рылся в местной сети базы, изучая традиции и особенности этого мира, от души пострелял с парнями из разных стволов и даже получил небольшой инструктаж об управлении боевыми машинами и основах использования артиллерии. Теперь я мог стронуть с места БТР и даже зарядить и бахнуть куда глаза глядят из пуш-

ки.

Завершив очередной урок военного дела, я заглянул в кабинет Вомбата и застал его в диком бешенстве.

– Уроды! Вообще недоношенные! Разве так можно? – Дальше он продолжил исключительно на матерном.

Немного понаблюдав за начальником, я начал выяснять, в чём дело. Проблема была в том, что Вомбат и его парни являлись каким-то особым спецназом. Всю жизнь проливали кровь за родину и привыкли быть настоящими солдатами. Они осознавали, что порученную работу надо делать, и они здесь именно за этим, но вся душа военного была против.

Я сейчас говорю о сборе органов иммунных для лекарства. Выполнять приказ страшно не хотелось, а начальство давило. В том мире это тоже были жизни, причём не каких-то там попаданцев в дальние миры, а конкретных людей, граждан его страны, которым он давал присягу защищать и оберегать. Я это знал, но пока обходил столь скользкий вопрос. Наверное, и мне пришло время влезть в эту тему.

Вомбат развернул ко мне экран ноутбука и включил видео:

– Смотри, что делают! Твари! Так нельзя! Я солдат!

Вояку поставили перед выбором. Ему не угрожали, не брали семью в заложники, а просто отправляли видео. На экране была измождённая от недосыпа и душевных страданий молодая женщина с грудным ребёнком на руках. Она стояла в палате, где на койках лежали ещё несколько малы-

шей, которых привезли в больницу умирать, как и её младенца. Она умоляла и просила дать её ребёнку лекарство.

Конечно, это был удар ниже пояса. Будь вместо неё на экране самый главный генерал, стучащий кулаком по столу и требующий исполнения приказа, Вомбат просто послал бы на хрен, но ему каждый день присылали отчёты из трёх больниц, куда детей свозили умирать. Сколько приняли, сколько доз лекарства не хватает и сколько умерло. Разумеется, с подробным фото- и видеоотчётом.

– Шеф, а как вы раньше справлялись? – спросил я.

– Да по-разному. На других базах так и делают. Тут почти все проходы контролируют частные корпорации и сразу набирают от замороженных наёмников. Эти ребята потрошат не задумываясь. Тут надо восемь новичков убить, чтобы одну дозу сделать. Из тех, кто хоть год пожил, доз тридцать получается, а со старожила и под сотню выходит. Когда проход пробили, мы тут одни были. На защитном периметре всегда много дохлых тварей, и к нам рейдеры захаживали спораны собирать. Иногда их заражённые рвали. Мы не помогали, но и людей не убивали. Сам сдох, его вина. Мы только следили, а как труп находим, так туда броню. В твоём городе мы тоже трупы искали. Там ментовка с автоматами. Её часто грабят. О ней все местные знают. Бывают склоки и трупы. Кого-то из новичков твари рвут, и всякого по мелочи. Сейчас около нас два прохода появились, и местные сюда приходиться перестали.

– А почему? – спросил я.

– Да не стоит такого риска десятков стволов и полцинка патронов. Если бы здесь что-то ценное было. Но откуда в ментовке такому имуществу взяться? Тут даже охотничьего магазина нет. Совсем брать нечего. В последний раз и группы не собрали, и людей потеряли. Если бы ты меня тогда за дверь не втащил, то я бы там тоже сгинул. Хоть у себя что-нибудь отрезай.

Вомбат ещё долго говорил. Разговор получился длинный и завершился несколькими выпитыми бутылками и одной идеей, которую я пока начальнику не озвучил.

Сперва я написал обстоятельной запрос большой земле на тему того, что родина готова потратить и какими ресурсами я могу располагать. В ответ получил по-спартански лаконичный ответ: «Всеми». Дальше была приписка: «Вомбат мой боевой товарищ. Мне это тоже не нравится. Парень, реши эту проблему. Пожалуйста. Командующий подразделениями внешних миров генерал-полковник Вяземский А. С.» Вопрос со снабжением, похоже, был решён. Теперь осталось отработать то, что я задумал на нашей территории.

Как только кисляк начал сходить, бронированный «Урал» поехал в сторону моего родного города. Сегодня перезагрузка была дневная. Мы подъехали к отделению полиции и встали со стороны двора, рядом с несколькими патрульными машинами. Я выбрался из кабины и пошёл вместе с Вомбатом

к руководителю отделения. Тут меня хорошо знали. При наших тоннах хранения специальных препаратов, расположенных в офисе, соответствующие органы были осведомлены, что нас надо особо охранять. Скорее всего, и со стороны ещё более компетентных органов, что дополнительно должны за нами присматривать.

В любом случае главный полицейский встретил меня улыбкой. Я часто приходил сюда на некоторые праздники с бутылкой отличного спиртного. Личные отношения никогда не мешают. Иногда приходилось просить сопровождение или побыстрее подписать документы. Всё было формально, но если согласно закону ответ должен быть дан в течение трёх суток, то его можно получить на третий день, а можно и через полчаса. Чувствуете разницу?

Мне улыбнулись и пожали руку, а вот к моему военному начальнику отнеслись с настороженностью. Через минуту подбежал парень и зашептал руководителю отделения, скорее всего, о нашей бронемашине. Сейчас парни выгружали там ящики с оружием, наплевав на недоумённые взгляды служителей порядка.

Вомбат показал удостоверение, на котором он был в полковничьем звании. Именно в таком качестве он и уходил в Стикс, пока его личное дело не засекретили. Вомбат был настоящим военным, поэтому заподозрить в нём ряженого гражданского, а тем более жулика, невозможно.

– Товарищ подполковник, надо поговорить, – обратился

он к руководителю отдела.

Начальник отдела полиции некоторое время изучал удостоверение, затем глянул на меня. Я утвердительно кивнул.

– Заходите, – пригласили нас в кабинет.

Как только дверь закрылась, меня спросили:

– Мадлен Исматович, что случилось? При чём тут военные? Почему вы на броневике приехали?

– Всё плохо. Вы уже заметили, что связи нет? Меня Тимур Ахметович попросил вас лично познакомиться, чтобы быстрее было. Семён Николаевич лучше расскажет, – кивнул я на Вомбата.

Тимур Ахметович был главой местной администрации, и я точно знал, что он в это время в отпуске, поэтому дозвониться и уточнить было нельзя. То, что внешняя связь не работала, полиция, думаю, обнаружила в первые минуты после перезагрузки. То, что я хорошо знал местного главу, для начальника полиции не было секретом. Работа у меня такая – со всеми дружить.

– Ещё раз здравствуйте. Мои бойцы сейчас выгружают вам оружие. Вокруг города оцепление. Был большой побег заключённых. Ваша задача обеспечивать правопорядок, – сообщил Вомбат.

– А связь зачем отключать? Откуда тут заключённые? Зачем нам пулемёты и автоматы? – удивился изрядно напрягся полицей.

– Спокойно, – примирительно показал ладони Вомбат. –

Заключённые с поезда. Побег готовили давно. Больше двухсот человек. Были схроны с оружием прямо около состава. Все осуждены за военные преступления, терроризм, бандитизм и прочее. Висельники. В городе заложено несколько мин под инфраструктурными объектами. Где – не знаем, поэтому и связь отключили. Должны дистанционно подорвать. Половину уголовников уже перебили или отловили, но остальные в городе или рядом. Скоро тут подготовленные люди будут, вам надо только немного продержаться.

Вначале для посещения полиции я хотел придумать что-то в жанре зомби-апокалипсиса, но Вомбат меня отговорил. Всё должно быть просто и незатейливо. Он достал из сумки папку с бумагами и отдал в руки начальнику отделения. Там были документы на передачу оружия. Разумеется подделка, но выполненная на большой земле лучше оригинала. Хозяин кабинета внимательно полистал бумаги и, не найдя подвоха, встал и кивнул нам.

Для наших ящиков он выделил специальную комнату. В основной арсенал нас не пустили, но помещение тоже было основательное, с зарешёченными окнами и массивной стальной дверью. Полицейские придирчиво сверяли каждый ствол и серийные номера с бумажками, проверяли коробки с патронами и с недоумением косились на крупнокалиберный пулемёт и две трубы гранатомётов.

– Представления не имею, – разводил руки Вомбат. – Что дали, то и привёз.

Всё это время начальник полиции пытался хоть с кем-то связаться, но с кем он сможет? Оставив Вомбата руководить разгрузкой, я извинился и покинул отделение полиции. Зайдя за угол, отправился к ещё одному броневнику, на котором должен был покинуть город. Мы ждали в нескольких километрах от населённого пункта. Через час к нам подъехала машина, где находился мой шеф. Он вышел из транспорта и подошёл ко мне.

– Как прошло? – спросил я начальника.

– Заносить – это не выносить. Загрузили под потолок. Задолбали каждую коробку открывать и проверять, чтобы мы по пути ни одного патрона не спёрли. Думаешь, сработает?

– В этот раз навряд ли, но через пару-тройку перезагрузок слух наверняка пойдёт.

Мы стояли на пригорке. С него хорошо был виден город. Прошло достаточно много времени, солнце уже садилось, начиналось обычная суета. Люди сходили с ума, превращаясь в заражённых, возникали стычки. Мелкие и шустрые твари уже начали посещать жилые кварталы, а вскоре подросла довольно многочисленная братия любителей пожрать. Около нашей стоянки заражённых почти не было. Несколько шустриков парни легко успокоили, используя стволы с глушителями. Город обходила небольшая речка, довольно глубокая и широкая, со спокойным степным течением и заросшими на много метров камышом берегами. Твари воды не любят и на наш пригорок не лезли. К нам надо было идти

специально, через реку, минуя город, но кто же упустит возможность пожрать в жилых кварталах?

Парни Вомбата тут постоянно пережидают первые часы перезагрузки, а потом под прикрытием брони объезжают территорию в поисках остатков трупов. Мы уже почти собирались уезжать, но неожиданно вдалеке раздались выстрелы.

В городе и раньше стреляли. Многие жители вынимали свои охотничьи ружья из сейфов, служители порядка применяли табельное оружие, пытаясь отбиваться от обезумевших соседей, готовых порвать их в куски и лезущих в окна и двери. Однако тренированный слух бойцов услышал и другие калибры.

– Пулемёт. Не наш. А теперь стволов в десять и все с глушителями, – комментировал подошедший ко мне командир.

– Так быстро? – удивился я.

– Пока непонятно, но явно не из двустволок.

Не успел Вомбат закончить фразу, как бумкнуло. Он заулыбался:

– Трубу разрядили. Это почти наверняка из наших запасов.

Парни, как один, посмотрели на меня. Я только хмыкнул и отправился со всеми к броневнику. Следовало проверить, что там произошло.

Когда мы приехали к участку полиции, то увидели два пикапа. Один был просто изрешечён пулями, а второй перевёрнут и залит кровью из разорванного тела, кусок которого си-

дел за рулём. Эту машину разворотило взрывом. Как и предполагал наш начальник, стреляли из наших запасов. С обеих машин было снято вооружение, а у валяющихся рядом трупов очищены разгрузки.

Я было двинулся посмотреть на происходящее внутри райотдела, но меня взяли за шкурку и придержали. Один из парней в противогазе заулыбался сквозь стекло и отрицательно покачал головой. Может, и правильно. Ничего не произойдёт, если я постою в сторонке, пока те, кто умеет, сделают свою работу, проверят всё на предмет опасности, а гражданских на экскурсию выпустят позднее.

Внутри помещения меня пустили только после того, как там побывали несколько человек и один парень с миноискателем и хитрым прибором. Всё наше вооружение было успешно вывезено, а отдел полиции вывернут наизнанку. Я заглянул в комнату с вещдоками. Ящики с кинжалами, самопалами и конфискованными дробовиками, украшенными бирками, валялись на полу.

– Обычно они тут весь огнестрел выгребают, а тут даже наган бросили, – прокомментировал Вомбат, пнув носком ботинка потёртый револьвер.

– Ага, то-то их от ящика с «Валами» торкнуло, – согласился я.

Дальнейший осмотр помещений смысла не имел, надо было побыстрее убираться. За это время бойцы уже загрузили трупы в машину и были готовы уезжать. Скоро сюда при-

дут крупные твари, а они могут быть опасны даже для нашей бронетехники.

Это был настоящий джекпот. Восемь с половиной трупов, брошенных в салоне броневика, грели солдатскую душу Вомбата. Мы прихватили и оторванную взрывом половинку. Такое количество тушек рейдеров, явно проживших в Стиксе некоторое время – и с первой же перезагрузки, всего за какой-то пяток ящичков с автоматами, несколько ящичков с патронами и всего по мелочи. В довесок был один крупнокалиберный пулемёт и две трубы гранатомётов, один из которых был использован во время дележа имущества. Я не был следопытом, а вот парни действительно спецы. Они буквально за несколько минут разложили события боя, расшифровав как открытую книгу по гильзам, попаданиям пуль и следам покрышек на асфальте. Бойцы легко определили, кто в кого стрелял, каким оружием были вооружены противники и даже примерно определили технику.

Всё было просто. Рейдеры оказались из одной группы, состоявшей из внедорожников, пулемётных пикапов и двух БРДМ. Очевидно, она приходила сюда немного раньше того момента, когда появлялись парни Вомбата в поисках трупов. Маршруты наших бойцов и этих рейдеров никогда до этого не совпадали, и командир ничего не знал об этих парнях.

Три внедорожника рейдеров остановились выгрести ментовку на предмет автоматов и табельных ПМ, а остальные поехали дальше. Оставшиеся привычно отправились забрать

десяток АКСУ и всякую мелочёвку, но обнаружили комнату, забитую под потолок «Валами», патронами и кучей ценнейшей снаряди, оставленной в полиэтиленовых кульках разновесом. Я специально предложил Вомбату упаковать мелочёвку именно так, в небольшом ассортименте, чтобы казалось больше, а через прозрачный полиэтилен было видно содержимое. Кстати, таскать так тоже дольше и неудобнее.

Парни из трёх машин, очевидно, решили скрыться, найдя такое богатство, но ушедшие вперёд рейдеры почему-то вернулись. Возникли разногласия. Поймавшиеся на воровстве злодеи попробовали шугнуть своих товарищей и скрыться, а те, быстро сообразив о появлении в своих рядах негодяев, просто их прибили. Одному пикапу воришек удалось свалить. Затем победившие рейдеры забрали имущество, включая личные вещи и оружие погибших, сняли установленные на раздолбанных машинах стволы и быстренько умчали куда-то вдаль.

Через некоторое время все улицы здесь должны были заполниться заражёнными, что, собственно, и произошло. Мы спокойно проделывали бреши в тварях и двигались к своей базе под прикрытием брони. Над нами, по приказу Вомбата, летали два беспилотника, а ещё два ушли в сторону второго прохода враждебных внешников. Командир больше не хотел повторения наших героических прятков, когда нам приходилось прыгать по канавам, скрываясь от вражеской авиации.

Не представляю, как всё это можно увидеть по следам от

шин на асфальте и разбросанным гильзам, но, судя по уверенности, с которой они всё это говорили, было понятно, что в ходе событий никто из них не сомневался. В любом случае у нас всё удалось, причём намного лучше, чем мы рассчитывали. Я думал, что в первую перезагрузку может пойти только слух о ментовке с гранатомётами, и урожай мы будем собирать только на третью-четвёртую смену территории. Одна-две перезагрузки, скорее всего, пройдут вхолостую, и только после того, как кто-то случайно обнаружит имущество и начнёт болтать, пойдут слухи о том, что появился счастливчик, готовый продать ящик-другой патронов и автоматов с глушителями.

Всё получилось лучше лучшего, особенно склоки и то, что части воришек удалось сбежать. Чем менее секретным местом будет наш склад приятных вещей, тем больше народа будет туда шастать.

А у меня начал созревать ещё более наглый план.

Вомбат ходил, сияя как начищенный самовар. Убитые рейдеры были матёрые, и лекарства из них наковыряли на полгода. Следующий месяц я провёл за ноутбуком, изучая карты прилегающих территорий и мучая всех расспросами об особенностях местного колорита, привычках и устройстве быта. Камишка, немного поостыв, стала давать мне некоторые вечера, когда мне удавалось засидеться за работой ума, а не тренировкой тела.

Всё шло своим ходом. Мой бизнес-план был готов. Чтобы

не вводить Вомбата в раздумья и душевные терзания, я сразу отправил документ самому главному на большую землю. Ответ от генерала Вяземского пришёл почти сразу, и по традиции краткий: «Делай».

Глава 3

Стаб Чудес

На тихое вливание в ряды местных у меня просто не было времени. Выход в свет я решил сделать громко, нагло и так, чтобы никто не усомнился. Я отлично знал, где расположены стабы, к одному из которых и направил свои стопы.

Пить и слегка сорить деньгами, читай споранами, начал с ходу. Затем подгрёб несколько девок. Выбор девиц, по мнению местных посетителей, был довольно странным. Вместо самых сисястых и агрессивно вешающихся на руки, одетых почти в ничто, с самой яркой боевой раскраской, я выбрал других. Они тоже были хороши. Фигурой Стикс женскую половину не обижал, и если не запускать себя с помощью безмерного количества спиртного и спека, то даже самые древние старушки становились тут молодыми женщинами. В принципе, мне было без разницы.

Одеты, а вернее раздеты, тут были почти все одинаково. Когда комплект одежды должен состоять из двух, максимум трёх вещей, то выбор предметов туалета у дам не столь велик. Мой подбор для некультурного отдыха был основан по принципу хитрых глазок, и чем хитрее, тем лучше. Я добросовестно отработал начало ночи, а потом завалился спать. Со своим выбором я не ошибся. Проснулся в пустой комна-

те, без снаряги, запаса горошин и споранов. Кое-как натянув штаны, любезно и аккуратно повешенные на спинку стула, спустился в бар.

– Проснулся? Голова как? – поинтересовался моим здоровьем некрупный мужчина, который был хозяином этого заведения.

За стойкой меня встречал сам Соломон. Именно так тут его погоняли. Он самолично налил мне в стакан пива и пододвинул целебный сосуд. Я отведал спасительного напитка и сообщил:

– Голова, говорят, в Стиксе раз в пять быстрее проходит, чем в старом мире. Пока не прошла. Вытащили тварюки всё подчистую.

Судя по тому, что меня встречал сам хозяин немаленького кабака, о грабеже уже было известно. То, что моё беспмятное тело не будут убивать, я знал почти наверняка. Одно дело спереть и сбежать, а другое дело – убить на территории благополучного питейного заведения. Такое просто так не забудут и станут охотиться, невзирая на силы и ресурсы.

– Они тут давно работают. Место хлебное. Сразу не сообразил, чего шалавы так сквозанули. Тебя будить не стали, всё равно никакого толка. Только они со своими дружками уже далеко, потом отловим. Я распорядился. Снарягу тебе дадим вместо украденной. Денег-то сколько спёрли?

К компенсации оружия и экипировки за счёт заведения я отнёсся с искренней благодарностью, но когда озвучил сум-

му украденного, мужичок тихо переспросил:

– Сколько?

Я стонущим от похмелья голосом повторил, а хозяин завис на полминуты. Затем я выпросил кухонный нож и, спустив штаны, выковырял и продемонстрировал зашитую внутрь трусов чёрную жемчужину, которую мои грабители не нашли. Для этого мне пришлось показать изошрённое полуголое селфи и поработать над резкой ткани, стараясь не повредить себе органы.

– Мне ещё много чего купить надо. Здоровый такой заражённый попался. В нём споранов практически не было, одни горошины. Можно хорошо продать? Всё, что осталось, – сообщил я.

Соломон внешне остался спокоен, покатав в руках шарик, вернул мне сокровище и жестом показал, чтобы я лишний раз не светил.

– Организую. Всё сделаем, – кивнул мне хозяин заведения.

Впечатление мне произвести удалось. Вот такие деревенские парни выходят из тайги, вываливают на стол сибирской обрыгаловки самородок размером с кулак и говорят: «Мне чего-нибудь выпить».

Снаряга, которую мне хотели отдать прямо сейчас, вдруг оказалось не моего размера, и мне прямо необходимо было задержаться на несколько дней, пока искали что-нибудь подходящее по размерам моего, на мой взгляд, достаточно стан-

дартного тела. Следующие три ночи я жил в кабаке, принимал заказанное мною оборудование, пил и имел девок, которых подбирал сам хозяин заведения, утверждая, что это его проверенные работницы и ни при каких обстоятельствах ничего не возьмут. Ко мне в компанию влилась четвёрка крепких парней под командованием рейдера по имени Борода. Их тоже снарядили девицами и безлимитным пропуском к бару со спиртным.

Всем было интересно послушать, кто я, откуда, где живу, что делаю. Под щедро наливаемую в стаканы смесь газировки и спиртного, я вскользь рассказал, что когда-то несколько месяцев назад появился вот в том городе, меня подобрал рейдер Вомбат... Рассказал историю, как бегал с «Томпсоном» по грязи. В общем, всё как было, только заменял внешних рейдерами, а базу – стабом. Без подробностей. Даже если поблизости сидит ментат и пытается проверить мои слова, не думаю, что в этом захолустье есть опытные мозголомы, способные работать с такими тонкостями. Столько лет работы продажником уже давно научили меня говорить всё, что мне нужно, в виде абсолютной правды. Больше всего я рассказывал о способах обогащения и географии моего нового дома. Почти все разговоры были именно про это. Парней не сильно интересовала моя прошлая жизнь, им хотелось услышать, где я наковырял столько споранов.

На четвёртый день мы выдвинулись. Почему мы? Парни совсем не хотели отпускать меня одного. Их об этом лич-

но хозяин заведения попросил. Они тут случайно оказались, и им как раз в мою сторону. Простое совпадение. С моим случаем, позора не оберёшься. Где это видано, чтобы посреди борделя посетителей грабили? А если по дороге неприятность случится, то Соломону останется только вешаться от потери самооценки и разрушенного чувства справедливости. И транспорт у них есть. Подготовленный.

Я радостно согласился, совершенно не заметив подвоха.

Мы успешно прибыли к местам моего обитания. Затерянный среди высоких деревьев стаб прихватил когда-то небольшую древнюю деревеньку. Мой дом был сложен из массивных брёвен и имел просторный и глубокий подвал. В нескольких километрах перезагружался супермаркет, в котором продают только деликатесы, пятьсот видов колбасы и около тысячи видов спиртного. Недалеко протекала глубокая и широкая река, на которую обычно натыкались заражённые и, ища обходные пути, шли в сторону базы внешников, которые были под боком. О том, что твари раньше туда не ходили, а перебирались вброд, через крошечный стаб с песчаным дном, моим попутчикам знать не обязательно. А о том, что дно углубляли направленными взрывами, сделав на месте брода настоящие омуты, тоже не обязательно сообщать.

Не жалея переводить ресурс своих автоматических пулемётов, внешники держали там несколько беспилотников и при приближении орды накрывали толпу огнём орудий, из-

рядно сокращая поголовье. Защитному периметру оставалось только прибить некоторых шустриков, уцелевших под огнём пушек. Вот там я и собирал свои богатства.

Парни сразу рванули проверить клондайк, но я их удержал. Сколько там сейчас заражённых, было непонятно, а артиллерия с базы внешников стреляла всегда по узкому переходу между холмом и изгибом реки. Сейчас там мог быть кто угодно и в любых количествах. Внешники убивали только тех, кто направлялся к ним, и плевали на всех остальных. Парни стали терпеливо ждать, решив послушать моего совета.

Мой скромный дом, обложенный снарягой и оружием, бойцы встретили с присвистом. В подвале сруба я поставил всё необходимое и организовал склад жратвы и арсенал. Верхняя часть дома сделана из толстого дерева, а самое главное, что крыша сооружалась из таких же брёвен. Для чего нужна именно такая крыша, представления не имею, но от случайных заражённых вполне себе ничего. Два крошечных окошка, закрытых слюдой, я выбил и заменил на стёкла. Просверлил ещё несколько отверстий, обеспечив дополнительную вентиляцию и круговой обстрел территории. В подвал поставил генератор, выведя выхлоп по гофрированной трубе в сарай. Над домом постоянно крутились беспилотники, и идея рассеивать тепло в просторном сарае гостям очень понравилась.

Товарищи оценили жратву и спиртное, которые я натас-

кал с продовольственной базы. Получилось немного странно. Жил я в подвале, а вещи хранил наверху. Я предположил, что именно так будет правильно. Если сюда решат пострелять из орудий внешники или заявится орда, то в подвале вполне можно отсидеться, и смысла набивать жилое помещение излишними припасами не было. Внизу находился только небольшой запас на несколько дней и самое ценное из снаряжения.

Коллекция оружия произвела впечатление. Специализированное малозумное на внешке было большой редкостью. В основном использовали самопальные модификации и даже делали арбалеты из рессор и палок. Парни с удовольствием облапали «Валы», зыркнули на несколько цинков патронов и удивились четырём трубам гранатомётов.

– Откуда гостинцы? – спросил Борода.

– Это я в полицайке стырил. Когда в городе появился, а потом от заражённых бегал, крёстный предложил мне проверить райотдел. Из моего «Томпсона» много не настреляешь. Заглянули. Там все служители порядка уже переродились, можно было локтями распахивать. Я тогда ещё тупой был. Он насильно на меня два ствола навесил и трубу на плечо. А потом я после перезагрузки ещё несколько раз туда наведася, жаль, много не унести. Там ещё и крупнокалиберный пулемёт есть, только я его не подниму.

Думаю, что парни и до этого слышали про чудо-отдел полиции, в котором можно найти крупнокалиберный пулемёт

и гранатомёт. На меня косо глянули, а я, соответственно, не обратил вообще никакого внимания.

На третий день раздался гул канонады. Мои товарищи сразу стали мылить лыжи пособирать богатства, а мне опять пришлось буквально за шкурку их останавливать. Следующие два дня бухали и ждали. За это время обычно новая орда не приходит, а оставшиеся заражённые подъедают трупы и, потеряв интерес к месту, уходят. Совета опытного проводника послушались.

Утром второго дня меня попихали в бок, пытаясь разбудить после вчерашнего:

– Эу, вставай! Станция назначения! Поезд прибыл! Скоро будут бельё забирать.

– Пусть приходят и забирают, если смогут, – пробурчал я, с трудом разлепляя глаза.

Товарищи были уже в сборе. Им очень хотелось своими глазами увидеть источник богатства местного отшельника.

Дорога была мною промерена и проверена. Тут можно было ставить табличку: «Для лохов». Заражённых на моём пути либо не должно было встречаться вовсе, либо они будут замечены гораздо раньше, чем заметят нас. Сам маршрут представлял извилистую и безнадёжно долгую тропинку, но бойцы Бороды покорно шли за мной, и только по взглядам читалось, что они видели на порядок больше быстрых проходов, и добрались бы до искомого места раз в двадцать скорее.

Мы прибыли. Артудар наколотил груды тварей. Заражён-

ные лежали погрызенными слоями. Подъедать своих менее удачливых товарищей тут никто не стеснялся, но есть странная особенность – твари никогда не едят споровые мешки. Даже если труп обглодан полностью, то нарост на голове целёхонек. Затем наступил процесс ковыряния и тихого визга. Внешники накрыли довольно большую орду, и нам реально пришлось попотеть, таская и переворачивая начавшие разлагаться трупы, но никто не кривил мордочки, а честно обогащался. Я специально не обсуждал со своими компаньонами процесс делёжки, решив посмотреть, как это будет на практике.

Вернулись в мою избу голыми. Мы так изгваздались в крови, что выкинули одежду. Затем обмылись в реке с вонючим кислым шампунем и топали к моему жилищу одетые в одни автоматы с разгрузками, но с полными руками полиэтиленовых пакетов, наполненных отрезанными споровыми мешками. Придя домой, дёрнули для согрева и приступили к разделке. Помимо мелких тварей были и довольно крупные. Через три часа мне на стол выгрузили целый котелок споранов и немного горошин. С отдельным пафосом положили две чёрные жемчужины.

– Выбирай. Твоя половина, как хозяина стаба, – сказал Борода.

Я рассчитывал, что добытое будет разделено либо поровну между всеми, либо по принципу – кто наковырял, тот и берёт. Я поставил себе мысленную зарубку в правильности

моих новых товарищей и хозяина кабака, приставившего ко мне именно эту команду.

– А что самое ценное? Мне, кроме споранов, ничего не надо. Я бы себе, может, какого оборудования заказал, или транспорт вроде вашего. Но это как-то нечестно. Вы же собирали.

– Всё честно. Ты хозяин и основатель стаба. Ты место нашёл, приютил и поделился.

Я глубокомысленно задумался.

– Тогда вы возьмите, что вам надо, а на остальное я куплю чего-нибудь. Может, оружия какого? Хотя места здесь глухие.

– Хорошо, – согласился Брода и добавил: – Это пока глухие. Скоро тут не протолкнуться будет.

Не дожидаясь вечера, один из группы Бороды, сославшись на нереально неотложные дела, забрал транспорт и укатил, а дня через два боец вернулся с целым багажником снаряги, оружия, колючей проволоки, строительных материалов и инструментов. А ещё через два дня, совершенно случайно, заехал обшитый сталью «Урал», откуда вылезла группа из трёх милых, слегка потрёпанных девушек, от которых несло перегаром за километр, и пятерых шустрых работающих парней, которые предложили соорудить навесик. Вдруг кто из рейдеров или трейсеров зайдёт? Вроде бара будет. Они рукастые, всё необходимое в кузове возят, и с забором вокруг стаба тоже подсобить могут...

Ещё через три недели вокруг моей избы кипела жизнь. Появились деревенские сортиры, рукомойник, бар, а соседние пустующие хаты получили новых хозяев. Наш жилой комплекс обзавёлся закрытой территорией. Я совсем не шучу. От серьёзных тварей можно было укрыться в подвалах, мелочёвка натыкалась на новенький забор или щедро натянутую колючую проволоку, а дальше по обстоятельствам, в зависимости от размера нелегалов, рвущихся к нам во двор.

За это время было два удара по орде заражённых, после которых стиксяне визжали от восторга, наковыряв целое состояние. Жизнь налаживалась. Посреди стаба постоянно достраивался и рос навес, превратившийся в солидный бар пляжного типа. Народ натаскал барных стульев и соорудил вполне себе ресторан под открытым небом, натянув маскировочную сеть, защищавшую от солнца, а под ней разместив столы. К первым трём девицам добавилось ещё несколько дам, которые жили под этим самым навесом, а ночевали по месту работы. Одна из изб была отдана под лавку торговцу, за которого лично попросил хозяин кабака, где меня ограбили в первый день. Для приходящих рейдеров, кто жил здесь временно, как тут говорили: «Припёрся на пару залпов», ставили палатки. Мы превращались в настоящий цивилизованный город.

Как обычно, я носился по территории и раздавал поручения. Раз они прибыли ко мне на стаб, то пусть живут по правилам. Список моих законодательных инициатив был

небольшим и не выходил за рамки разумного. Никого не убивать, даже если подрались, ничего не портить из общественного имущества, убирать за собой мусор. Специального пункта про мою долю в добыче я не вводил, но Борода настоял и на этом. Теперь мне совсем не надо было ничего делать, а просто получать свой гешефт за открытие клондайка. Все полученные суммы я отправлял в казну города, как называл коробку из-под обуви, куда ссыпал спораны и горошины, полученные в виде налога. Если что-то надо было заказать для общественных нужд или купить кому-то снаряжение в долг, то любой постоянный житель мог прийти ко мне и получить необходимую сумму из этой самой коробки.

Ко мне бежала растрёпанная девчонка-подросток – дочка одного из трейсеров – и орала во всю глотку:

– Господин мэр! Господин мэр!

Я сначала даже не понял, что обращаются ко мне. Вот, оказывается, я до мэра дослужился. Наверное, меня тут давно за глаза так погоняют, а у малой что на уме, то и на языке.

Девчонка продолжала орать:

– Они самолёт сбили! Ведьмак и Калebas самолёт сбили!

Маринку здесь называли «сыниха полка». Звать её в женском роде ни у кого язык не поворачивался. Она была отъявленная пацанка. Пришла с одним из мужиков-трейсеров. Девчонка родилась в Стиксе и оказалась иммунной, что было невероятной редкостью. Она могла броситься с кулаками за малейший косой взгляд, таскала оружие, ходила с отцом

за добычей на весьма крупных тварей, была шустрой и любопытной особой.

Разумеется, я предполагал, что рано или поздно какой-нибудь имбецил начнёт охотиться на беспилотники, но мы тут и месяца не живём. Местные долго дружить с головой не будут, на это и был расчёт, а тут совсем быстро управились. Артудар за сбитый летательный аппарат был у меня номером два. Номером один я предполагал нападение пьяных стронгов, решивших пострелять по базе внешников, раз она совсем близко.

Второй вариант предполагал ответный артобстрел стаба с возможными трупами и последующим захоронением, где подальше. Мне наши яйцеголовые рассказывали, что типов лекарства добывается много, и даже если труп полгода гнил, то всё равно есть что добыть. Главное условие, чтобы человек как можно дольше прожил в Стиксе.

С основания поселения прошёл всего месяц. Долго же они держались, чтобы не напиться и не пойти пострелять по самолётникам. Я подавил рвущуюся улыбку и сделал невероятно озабоченное и серьёзное лицо:

– Давно?

– Минут десять назад, – ответила мне запыхавшаяся особа. Бежала она отчаянно, судя по сбитому дыханию.

Я поискал глазами кого-то из своих парней. За стойкой, под навесом, выполнявшим роль бара, столовой и места совещаний, сидел Борода. Я заорал:

– Борода! Всех в подвалы! Срочно! Всех в подвалы!

– Есть, шеф! – проорал он и начал бодрить тех, кто оказался поблизости, помогая пинками и не заботясь о способах выражения своих мыслей.

Рядом со мной материализовался один из его парней:

– Шеф, вам тоже надо. – Боец показал направление к моему дому, вежливо, но настойчиво пресекая мою попытку начать геройствовать.

– Сами справитесь? – задал я риторический вопрос, на который получил риторический кивок.

Пока моё тело бежало к укрытию, я видел, как сообразительные окружающие, помогая друг другу, спешили к избам, а непонятливых тащили или гнали пинками. Запрыгнул в подвал первым, затем заскочила Маринка, а дальше, через дырку в полу, посыпался народ. Последними, утрамбовав набившуюся публику, на тела расползающихся жителей плюхнулись двое парней из моей группы поддержки.

– Борода в соседнем доме, – отчитались мне.

– Хорошо. Всех собрали?

– Так точно!

В каждом доме имелся внушительный подвал. Деревенька была древняя, а сельчане невероятно хозяйственные и запасливые. Если выкинуть превратившиеся в прах запасы продуктов и всякий хлам, то подземное помещение было весьма просторным, по меркам того времени, разумеется.

Всё погрузилось в тишину. Мы сидели, слушая ветер,

гуляющий по опустевшему стабу. Напряжённое ожидание переполняло пространство. Вовремя. Даже раньше управились. Когда обсуждали с Вомбатом, сколько надо дать времени с момента обстрела беспилотника до артудара, мой начальник сказал, что ему надо три минуты, чтобы прозвучал первый выстрел. Каким способом погиб беспилотник, на базе внешников тоже знали с почти стопроцентной точностью.

В обычных дронах такая технология не использовалась, ведь и так понятно, что противник сбил, а в Стиксе надо было знать, как именно он потерян. Все летательные аппараты Вомбата оснащались крохотным электронным модулем с кучей экранирования в титановом корпусе, который с трудом можно повредить из снайперской винтовки в упор. Когда терялся аппарат, то электронный малютка орал на всю вселенную, что его обидели хулиганы. Уничтожить мгновенно такое устройство практически невозможно.

Причины потери дрона в этом мире чрезвычайно важны. Возможно, появилась новая аномалия, или сигнал потерялся, или завелись партизаны. Я прекрасно помнил, как по мне стрелял вражеский беспилотник, потерявший связь с оператором и летавший на автопилоте.

Трёх минут до ответного удара было маловато. Мы с Вомбатом искали компромисс между подозрительно долгим ответом на наглость и тем, сколько реально надо времени, чтобы о сбитом беспилотнике стало известно в стабе и народ успел хоть как-то попрятаться. Решили, что восемнадцать

минут.

Почти угадал. Через две минуты засвистели снаряды, и землю тряхнуло. Первые три легли с недолётом и правее стаба, глубоко войдя в землю и швырнув в воздух тонны грунта. Казалось, что комья земли падают на крышу из космоса. Как объясняли на базе, фугасы летят со свистом, предупреждая о приближении, и должны упасть чуть в стороне. Выглядит страшно, но установленные на подрыв с задержкой, настроенные для уничтожения бетонных бункеров, при небольшом удалении почти безопасны.

Первый залп – это наша подстраховка. Вдруг не будет быстроногой Маринки, и на моём стабе узнают о сбитом дроне по факту первых разрывов? Потом встал вопрос, как воткнуть паузу хотя бы минут на пять перед основным ударом и не вызвать подозрение? Это нужно, чтобы как можно больше народа сбежало в укрытия перед настоящим обстрелом. На базе мы провели целый мозговой штурм, привлекая к решению вопроса всех наших пушкарей и десантников, а решение нашла Камишка, походя брякнув: «А как вы узнаете, что попали, они ведь первый самолётик сбили?»

С неба перестали падать комья земли, а затем над нашими домами минуты три летал дрон. Это и есть те самые беспалевные пять минут между первыми прилётами и основным ударом. Обычное дело. Корректировка. Как только глазастый разведчик покинул нашу территорию, снова послышался свист. На территорию стаба ещё минут двадцать пада-

ли небольшие снаряды. Это были уже не бетонобойные фугасы, но зато много. После небольшой паузы в полминуты слышался резкий, невероятно громкий и неприятный визг. Смотря кино про войну, я много раз слышал свист снарядов, но чтобы так? Звук приблизился, и над нашими головами вначале слегка бумкнуло, через долю секунды бахнуло сотней небольших хлопков, а затем послышался звук, как будто на пол с силой швырнули горсть крупы.

Минуту, набившись в подвал словно селёдки, мы тихо сидели, слушая наступившую тишину. На правах новоиспечённого мэра, расталкивая всех локтями, я высунулся из подполья первым. Наверху пахло шпротами, спиртным, газировкой и дымом разрывов. Многочисленные ручейки из виски, растительного масла и маринадов заполняли лужицы на полу. Радостно брызгала газировка, пытающаяся сбежать из дырявой тары. Я стоял и смотрел на потолок, сделанный из массивных досок. Вылезший вторым и вставший рядом со мной боец Бороды искренне и удивлённо прошептал:

– У ё-ё-ё...

– Прямо как звёздочки! – восторженно воскликнула Маринка, тоже поспешившая вылезти из подвала.

Все поднимались снизу и смотрели на потолок дома. Комната наполнилась дополнительным освещением. Я бы тоже назвал это звёздным небом. Вся крыша была истыкана маленькими, в несколько миллиметров, дырочками, через которые проходили лучики света. Их было отлично видно в

пыльной обстановке моего жилища. Тысячи крошечных дырочек от прилетевших шариков боевых элементов. Все бутылки, консервы, одежда и мебель испещрены дырками.

Я пошёл к столу и взял коробку со столовыми приборами. Это был алюминиевый туристический набор на восемь персон, с тарелками, кружками, ложками и вилками. Он отлично сделан и служил ничуть не хуже той посуды, которую мы обычно используем в хозяйстве. Я его давно притащил и любил за лёгкость и практичность. Вышел на улицу и пошёл к нашему навесу.

Из соседних домов выползал народ. Земля стаба была в крапинку, крыша навеса тоже представляла собой сплошное сито. Поставил коробку с посудой на стойку и начал не спеша раскладывать столовые приборы. Все выходили из укрытий и, молча столпившись за моей спиной, через плечо наблюдали за моим занятием. Я аккуратно сервировал для восьми человек на одном конце барной стойки, и только у одного сета не хватало ложки. Придирчиво изучив эту самую ложку, я перетащил столовый прибор на другой край стойки и оставил в гордом одиночестве.

Всё было разложено по принципу наличия дырок. Все кружки, тарелки, вилки, ложки и даже ножи имели крошечные отверстия от боевых элементов, и только одна гордая и чудом уцелевшая ложка каким-то невероятным образом оказалась невредимой. Она и разместилась на другом конце стойки, с презрением поглядывая на дырявых товарок.

Завершив с посудой и не сказав ни слова, я направился к себе в дом убирать протекающие консервы и вытирать разбрызганную газировку. Народ, столпившийся за моей спиной, расступался в полном молчании.

Глава 4

Рената, я тебя съем

Это был тот редкий случай, когда я решил навестить свою родимую базу внешников. Вернее, покопаться в снаряжении, прихватить чего ценного, узнать, до какого очередного звания дослужился. Меня просто подмывало попутешествовать. Взять одного товарища, побольше споранов и отправиться в рейд по бабам и достопримечательностям Стикса.

Склад и кабинет Вомбата располагались под одной крышей и соседствовали дверями. Иммунных на базе находилось немного, и они постоянно двигались. Так получилось, что самым стабильным человеком был Вомбат. Оказалось проще перенести кабинет начальника к складу, чем выделить отдельного человека. С тех пор все, кто решали заняться перемещением казённого имущества, обязательно попадали в поле видимости командира, который являлся не только командующим, но и главным каптёром.

Размер хранилища тоже был начальственный. Сразу за кабинетом располагалась широкая бронированная дверь с коридором для заезда небольшого грузовика и ангар, закопанный под землю. Это сооружение строили на базе одним из первых и не заморачивались. Техниккой слегка углубили площадку, поставили металлический каркас, обварили

металлом, залили бетоном, а сверху накатали бульдозерами небольшой курган. Вся остальная база строилась по уму. Для неиммунных делали шлюзы с применением самых развитых медицинских технологий, дезактивационные камеры, карантинные блоки, а эта зона так и осталась дикой, в стиле бомбоубежища для главарей тоталитарного режима.

Начальник сидел в кабинете, задумчиво крутя в руках флешку. Я зашёл и отдал честь.

– Здравия желаю, товарищ Вомбат! Стикс-капитан Ганслер за баррахлом прибыл! – поприветствовал я, больше ёрничая, чем формально соблюдая уставы.

Я был на базе в официальном штате, мне шли звания, и я действительно был стикс-капитан. Мне его присвоили согласно наличию высшего образования, окончанию военной кафедры и трудовому стажу. Как говорил мой начальник: «Приставка Стикс – это чтобы знали, что надо сразу в голову стрелять, если попытаешься сунуться куда не следует». Выдача званий иммунным и начисление жалования на карточку были предметом нескончаемых шуток и приколов.

– Здравия желаю! К забранию баррахла приступить разрешаю, – ответили мне в шутливо-задумчивой интонации.

Я некоторое время копался в имуществе. Помимо оборудования с большой земли, как тут говорили про поставки через пробой, я взял несколько чёрных жемчужин, горошин и споранов. Возле автоматических турелей на защитном периметре постоянно валялась куча дохлых заражённых, и мест-

ного бабла на базе скопилось просто эпическое количество. Главное, не лениться и почаще выползать деньги из голов ковырять, пока местные шустряки трупы в лес не уволокли.

– Ганслер, а куда ты собираешься? – прокричал мне начальник из кабинета.

– Почему собираюсь? – удивился я.

– Так я уже который год тут сижу. По звуку определяю, кто, где и в каких ящиках роется, – ответил мне из комнаты начальник.

– В дальний рейд хочу прогуляться. Засиделся. Пора отпуск согласно трудовому кодексу брать, – сообщил я, стараясь говорить погромче из дальнего угла склада.

– Подойдёшь? – позвал начальник.

Я, бросив увлекательное хомячество, вернулся в офисную часть бункера. Шеф моему появлению был рад, но что-то темнил. Я это ещё при первом «здрасьте» определил.

– Ганслер, ты тут человек новый и ещё не оброс этим хитрожопым говном. Домой вернуться не можем, каждый день под пулями ходим, но всё равно срём друг другу на головы.

– Как-то вы не очень оптимистичны.

– Тут всегда так. Мне информацию притащили, вот только зашифровали, а шифровальщиков предусмотрительно перестреляли. Ты, случайно, с компьютерами не того?

– Я могу бухгалтерию на налоговые оптимизации взломать, да в экселе почти гуру, а так нет. А если кого-то из наших попросить?

– Да в том-то и дело, что у нас через одного все на кого-то подвязаны, а эту штуку из таких мест получил... Ну давай! Ты же наркоту вагонами продавал, неужели не организуешь? Тебе же тоже интересно глянуть? Мне, старику, расскажешь.

У меня рождалась идея, а в присутствии этого человека я чувствовал себя спокойно и уютно. Глядя на мою улыбающуюся рожу, шеф встал в стойку, словно сторожевая собака.

– А знаете, есть у меня идея. Насколько быстро надо? За одну перезагрузку можно не успеть, а может и совсем не получиться. Тут хайтек, а это такое дело...

– Время есть. Она полгода на трупе пролежала. Главное только, чтобы твой хакер болтать не стал и смог открыть.

Он отдал мне флешку, которую всё время вертел в руках.

Сегодня мой город перезагружался днём. Пока придут твари и люди начнут терять разум, у меня есть часов шесть. Как только сошёл туман, я отправился к своему офису, в качестве маскировки надев костюм, который был моим деловым стилем и повседневной одеждой все эти годы. Приходить в камуфляже означало создать лишние вопросы и испортить планы. Перед посещением офиса следовало произвести небольшую разведку.

Я въехал на территорию своего города на подготовленном для этого обычном внедорожнике. Брать броневик не стал в целях конспирации. Остановил своё транспортное средство около группки молодёжи со всеми признаками гопоты, сидевшей на корточках и распивавшей традиционное утреннее

пиво. При моём появлении спортивные костюмчики слегка оживились и привстали. Я улыбнулся:

– Стоять, бояться, трубы достаём. – И вытащил пистолет-пулемёт с глушителем, а затем короткой очередью пристрелил мусорный жбан, около которого разместилась компания.

Смартфоны спешно доставались и предъявлялись, но вопросы у пацанчиков появились:

– Это, мужик... Трубы давно никто не отжимает, они же смартфоны, все закодированы.

– Вот ты и раскодируешь, – пояснил я свою придумку.

Тот провёл пальцем по экрану и протянул мне разблокированный телефон, косясь на оружие, которое подходило больше для шпионов или спецназа, чем для уличных шмонов.

– Сейчас я наберу номер. Спросишь Мадлена Исмамовича. Скажи, что ты из «Пчхи-Будбьздорова». Если нет на месте, узнай, когда будет.

– Кого? – вылупился гопник.

– Читай, – протянул я бумажку со своим именем.

Я часто сталкивался с тем, что его сразу не запоминают, поэтому озаботился шпаргалкой, а не потому, что предполагал отжимать мобилу у недоразвитой гопоты. Мне плевать, у кого я буду трубу забирать, просто эти оказались первыми попавшимися и в тихом месте.

Трубку подняла Рената. Она отвечала за кадры и испол-

няла обязанности секретаря-референта отдела:

– Добрый день, меня зовут Рената, отдел продаж, слушаю, – раздалось в динамике.

Я ещё сильнее заулыбался и подбадривающе кивнул парню.

– Э-э-э, мне Мадлена Исмамовича, того, надо. Я из апчху будь здорова.

Звучало, конечно, так себе, но нам и не такие звонки регулярно приходили.

– Мадлен Исмамович на региональном совещании. Что-то передать?

Я отрицательно покачал головой и показал, чтобы завершал.

– Э-э-э, нет, я перезвоню. – Парень отключил связь.

Региональное совещание – это посиделки с менеджерами, собравшимися со всей округи, и раньше позднего вечера, а скорее и ночи, никогда не завершались. По крайней мере, на моей памяти такого ни разу не было. Так что до вечера я совершенно свободен.

Я скинул с плеча сумку, порылся и достал книжку «Краткое наставление новичка Стикса».

– Эй, чувак, а телефон? – как-то неопределённо уточнил мой помощник, крутя в руках смартфон. – Сейчас же не отжимают.

Похоже, этот вопрос очень сильно интересовал парня.

– Олдскул, старая школа. Я трубы отжимал, когда ты ещё

не родился. У меня папа телефоны из будок воровал и дедушка воровал. Но у деда тогда телефонистка соединяла, приходилось сразу вместе с ней забирать, а иначе не работало. Вот он мастер был, не то что нынешнее поколение.

Главная цель шутки – веселить шутящего, недоумённые рожи гопоты шли бонусом. Я протянул книжку новичков Стикса:

– Держи. Хорошее чтение в тяжёлых жизненных ситуациях помогает. Тут скоро такое начнётся... Может, в живых останешься, если повезёт. Наверное. Бывает такая штука, когда книжка жизни помогает, только сразу прочитайте.

Оставив не врубающуюся компанию при телефонах и с тонкой брошюрой в руках, я отправился в свой офис.

Увидев меня, сидящая за ресепшен Рената замахала:

– Мадлен Исматович, вас какой-то утырок из «Ап-чу-будьздорова» искал, – сообщила девушка, абсолютно точно скопировав интонацию гопника, которого я попросил совершить звонок.

Эта контора была своеобразная, и от неё поступали и не такие звонки, что служило целой темой для передразниваний и шуток. Народ начинал в девяностые с торговли наркотой, а потом открыл сеть аптек, надел костюмы, но старые привычки и принцип подбора персонала остались.

– Спасибо большое! Рената, я для всех на региональном совещании. Они со мной уже связались. До конца дня я буду занят с Алексеем. Есть изменения в программе. Меня ни для

кого нет.

Рената коротко кивнула и вернулась к своим делам, а я направился в серверную. Мой сисадмин сидел и зло клацал по клавишам, пытаясь восстановить интернет.

– Лёша, интернета и телефона пока не будет.

– Здравствуйте, Мадлен Исмамович! Это почему? – удивился главный по ИТ.

– Мне из администрации города звонили. Там большой обрыв. Всё плохо, как минимум сутки, но это секретная информация. Лучше вот эту штуку посмотри, пока тебе нечем заняться, – хитро улыбнулся я и протянул флешку.

Алексей не был дураком и прекрасно понимал, что у меня масса как формальных, так и неформальных отношений с сильными мира сего, и я часто знал о происходящем раньше других, на что уходило немало гешефтов. Мой админ прекратил бороться с мировым злом и начал ковыряться с флешкой. Он что-то бубнил про очень странную кодировку:

– Мадлен Исмамович, такое ощущение, что какие-то военные шифровали, причём не столько зашифровать хотели, чтобы вообще не открыли, а так, чтобы возни побольше, время потянуть. Можно на перебор паролей поставить, и через месяц само откроется. Как быстрое сообщение, что танки стоят там. Можно просто в интернете выкладывать. Пока расшифруют, танки уже уедут. Странная кодировка. Дурацкая, – бурчал мой сисадмин и тёр щёку.

– Это флешка моего брата. Он писатель и сейчас в экс-

педиции. С целой бандой словоделов на Северный полюс на ледоколе плывут.

Алексей на меня восхищённо глянул:

– Ух ты! Там сорок две тысячи баксов билет стоит.

– Он не сам платит. У них целое задание и государственная программа. Много чего пишет, только ты его так не знаешь, он под разными псевдонимами. Там всё заморожено, хотя наверняка читал. Я тебе потом расскажу. На флешке всё что угодно может быть от иллюстраций, бухгалтерской книги звездолёта до пусковых кодов к ракетам империи шести звёздных систем. Братишка такие вещи придумывает, сам удивляюсь.

– Мадлен Исматович, я тут кое-что расшифровал. Это фотография. Я проверил. Вот смотрите. Это настоящая фотография, без редакции. Дата стоит из будущего, через двенадцать лет, но это на устройстве могли сместить, а снимок точно не редактировали. Как сняли, так и есть.

Я сделал сосредоточенное лицо и немного погонял изображение мышкой по экрану, увеличивая и рассматривая подробности. На снимке был броневик-черепашка на базе «Лэнд Крузера», а около него лежалдохлый элитник. Парень, потрошавший споровый мешок монстра, показывал на руке две красные жемчужины. Одна была совсем тёмная, почти чёрная, а другая светло-розового, почти белого цвета. Боец сиял от счастья, лыбясь во всю рожу, за ним стояли ещё двое курящих парней, а ещё чуть поодаль фоном распо-

ложился четырёхосный грузовик, покрытый бронелистами. Обычное дело для Стикса.

Алёша рыл фотографию, пытаясь найти подвох, но все даты изменений и контрольные суммы были девственно нетронуты, и только дата, смещённая на двенадцать лет, вводила в сомнения.

– Фотография настоящая. Я всё проверил. На камере просто дата сбилась, но как? – продолжать терзать фотку мой админ.

Я пожал плечами:

– Алёша, тут не постапокалипсис – это как у тебя реконструкторство. Только у братика на тему другого мира. Он мне в общих чертах о таких вещах рассказывал. Секретами никогда сильно не делится, но я немного в теме. На фотке броневик-черепашка. В тот мир куски пространства из других миров кидает. Каждый месяц куски городов заменяются, а там и автостоянки, и автосалоны прилетают. Почти все люди в зомби превращаются, и на них охотятся, из голов выковыривают шарики, чтобы лекарство потом делать. Это надо, чтобы самим в зомби не превратиться. Местный народ приспособился. Два десятка листов брони прикрутили на «крузак» или «гелик» саморезами и катаются среди зомби, а когда время технического обслуживания пришло, открутил шурупы, снял бронелисты, выкинул старый «гелендваген» и поставил броню на новый. Вещи цены совсем не имеют, только патроны и шарики для лекарства. А на заднем

фоне они, наверное, что-то боевое притащили. Думаю, фанаты из вояк для съёмок одолжили. И где только урвали?

– Ух ты! Какой хороший мир! Вот бы в него попасть. – Мой админ, интеллектуал и реконструктор, мечтательно закатил глаза.

– Может, и попадёшь когда-нибудь. Но там не всё так хорошо. Если повезло в зомбака не превратиться, то очень даже интересно.

Пока говорили, расшифровали ещё кучу фотографий в подобном стиле. Имелись таблицы, карты и расчёты. Альбом было действительно забавно глянуть. По большей части на фото находилась всё та же группа как в рейдах, так и в кабаках, в компании совсем не одетых и сильно пьяных девиц. Имелись видео под стать фотографиям, тоже про рейды и развлекательные заведения с девками. Я нашёл и несколько видео красивых перезагрузок, когда из грязно-серого тумана появлялись облака ослепительно-белого цвета, которые, развеиваясь, открывали огромные территории. Часть видео снималась для души, с упором на кабаки и девок, но была папка с несколькими файлами, снятыми в стиле документального кино, с сухими объяснениями и сделанная явно для работы.

Как назло, бóльшая часть содержимого расшифровывалась подозрительно долго, а время поджимало. Шёл пятый час. Больше никаких фотографий и рисунков я смотреть не стал, стараясь не отвлекать моего хакера от работы. Максимум через несколько часов люди начнут тупеть, в город ста-

нут приходиться твари, а ещё через час здесь будут беспилотники внешников с соседней базы.

– Алёша, я должен забрать флешку. Ты можешь мне сделать копию того, что ты расшифровал? И ещё напиши инструкцию так, как писал бы для себя, что нужно сделать, чтобы потом расшифровать. Я позвоню брату, и либо ты это сделаешь дальше, либо кто-то другой. Я во всех этих писательских штуках не могу разобраться, сам понимаешь, всё серьёзно. Они денег в эти косплеи впалили столько, что по интернету попросить не могу. Я тебе потом расскажу.

– Хорошо, Мадлен Исмамович. – Лёша с сожалением вздохнул и набил файл буквально в несколько строк. – Тут всё понятно, писать особо ничего. Если человек не криворукый, то сразу поймёт, что делать. – И выдал мне вторую флешку из своих личных запасов.

Немного подумав, я решился:

– Лёша, пошли со мной. Только прямо сейчас.

Мы прошли через офис. Немного подумав, я позвал Ренату:

– Пойдём на минуту. Мне нужно тебе кое-что показать.

Больше никого из офиса я звать не стал. Вероятность получить иммунитет была очень маленькая. Посадил обоих в свой внедорожник и дал по газам. Проехал мимо райотдела. Около него уже стоял военный грузовик, и Вомбат что-то втолковывал главному полицаяу, разводя руками и кивая головой на стоящее на станке безоткатное оружие и несколь-

ко гранатомётов, лежащих на клумбе.

Я проехал, даже не притормозив, и отправился на холм, где бойцы с базы обычно ждали стычек за оружие, которое мы сгружали стражам порядка. Ещё подъезжая к месту, я услышал на заднем сиденье дикий визг Ренаты и шлепки. Девушка изо всех сил била руками Алексея по голове, а он, нагнувшись, самозабвенно вцепился ей в ногу чуть ниже юбки. Словно собака, дёргая головой, он пытался выдрать кусок мяса из девичьего тела. Я остановил машину, намереваясь выдернуть моего сисадмина из машины и пристрелить, но девушка прекратила орать и, перегнувшись, схватила зубами Алёшу за бок. Из-под зубов Ренаты показались несколько капелек крови. Словно сцепившихся бульдогов я вышвырнул обоих из машины и, сев за руль, дал по газам.

В зеркало заднего вида я смотрел, как парочка трепала друг друга, валяясь на дороге и пытаясь отодрать лучшие кусочки. А ведь они всегда друг другу нравились, выходит, даже в гастрономическом смысле. Какой прикольный мир. «Рената, я тебя съем...» – звучит здесь совсем без интимного подтекста.

Через полчаса я подъехал к броневнику парней с базы и залез внутрь, чтобы не отсвечивать. Удобно расположившись, открыл ноутбук и начал рыться в расшифрованной части данных. По моему наставлению, даже иммунные бойцы таскали противогазы и химзащиту. Если вдруг придётся действовать вне базы, то лучше, чтобы лиц никто не знал. Я по-

спешил обратиться под броню, потому что противогаз, наде-
тый на деловой костюм, выглядел ещё более странно, чем
просто его отсутствие.

Через час подъехал Вомбат, бурча, что если на стволах
проверять номера ещё имеет смысл, то пересчитывать каж-
дый патрон это перебор, и в следующий раз он разновеса
брать не будет, а привозить станет сразу в запаянных цин-
ках. Обменявшись взглядом с начальником, что у меня что-
то получилось, я остался ждать, а бойцы занимались своими
делами.

К следующему утру мы были на месте. За это время мне
удалось немного поспать, а остальное время я провёл, рас-
сматривая данные с флешки. Это были тысячи фотографий
изуродованных трупов, рисунки больных на голову, сума-
шедших, сделанные левой ногой, и размытые фото стран-
ных предметов.

Начальник был уставший, но довольный вылазкой.

– Товарищ Вомбат, как добыча?

– Трое матёрых рейдеров. Не могут они без стрельбы иму-
щество поделить. А у тебя что?

Я показал ноутбук. Несмотря на то что начальник не спал
больше суток, дело с флешкой он откладывать не стал. Мы
по несколько раз пересмотрели материал. Особо много важ-
ного Вомбат нашёл в последней расшифрованной части.

– Это группа мёртвых копателей, так они себя называли.
Охотники за чудесами. Они искали странности Стикса, со-

бирали суеверия, легенды, фиксировали встречи с иными существами. Искали более развитые цивилизации, дружили с нолдами. Ты же слышал о чёрных рейдерах, скребберах, проводниках и прочей нечисти. Говорят, этот мир насыщен подобными штуками.

– Ничего удивительного. Тут почти у каждого странные особенности имеются, – согласился я с Вомбатом.

Начальник показал мне несколько фото. На одном парень драл девку, усаженную на заднее сиденье обваренного решётками пикапа, ещё один дружбан стоял рядом, выдавая комментарии, а фотограф салютовал бутылкой спиртного, которая попало в кадр. Не самый редкий сюжет для местных селфи, но на фоне развлекающихся отдыхающих из-за леса поднималась громадина боевой машины, открывшей огонь. Наверное, это был последний кадр, потому что часть снимка была засвечена мощной вспышкой, больше похожей на молнию, чем на выстрел из пушки. Стреляли не в группу туристов, иначе пикап и все фотоустройства просто сгорели бы, а куда-то за их спины. Сама боевая машина была размыта и, думаю, через секунду на месте весёлой компании оказались одни трупы и случайный свидетель-смартфон, успевший в последнюю секунду сделать предсмертный кадр.

На другом фото был топтун, разорванный пополам, а вдалеке, почти на другом краю улицы, виднелась человеческая фигура в огромном скафандре, как будто из компьютерной игры. Это был скрин с камеры наблюдения, установленной

на частном доме, около забора которого и порвали заражённого. Судя по потёкам на скафандре, топтуна, скорее всего, разорвал голыми руками этот самый неспешно прогуливающийся человек. Было несколько фото странных машин, напоминающих шар, едущих по воде, и ещё куча всего.

– Лекарство – это хорошо, и чудеса тоже, но Стикс огромен, и если откинуть всякую мистику, то тут полно рисунков и даже фото, где парни в скафандрах рвут заражённых как котят. Если учесть, что здесь интернета нет и каждую такую фотографию надо ещё добыть, то их тут шастают тысячи, а может, где и города есть. Пришельцы из космоса или из-под воды, технологии следующих тысячелетий. Представляешь, сдружиться и технологии выпросить? Может, на что поменяют или просто подарят за ненужностью? Сразу космический корабль построить, а не придумывать тысячу лет. А может, у них и лекарство есть, чтобы всё лечило, и никаких трупов собирать не надо, – говорил мой начальник.

Мне оставалось только покивать. Я пропустил эти рисунки и фотографии, больше сосредоточившись на рассказах о встречах с мифическими существами и зарисовках странностей. Вомбат был прав. Есть же нолды, а возможно и кто-то ещё более развитый. Все на лекарстве из трупов зациклились, а мой командир смотрел на мир гораздо шире, как, наверное, и парни из группы мёртвых копателей. Для стиксян это бесполезные знания, а вот переданные на большую землю могут совершить целую революцию.

Оставив начальника внимательно изучать расшифрованное содержимое, я забрал копию флешки и отправился в свой стаб, прихватив немало полезного оборудования. За-легендировал имущество как украденное из ментовки, пока туда рейдеры не приехали и стрелять не начали. После замечаний Вомбата хотел ещё раз всё внимательно пересмотреть на ноуте. Парни из копателей искали не только суеверия, но и высокие технологии, возможно, было что-то ещё в недоступной части информации. После увиденного я твёрдо решил ждать следующей перезагрузки и доступа к моему Алексею и ни при каких обстоятельствах не рассказывать о полученных сведениях.

Глава 5

Не для твоих глаз

Наш посёлок теперь гордо назывался Стаб Чудес и был настоящим клондайком с нескончаемым источником споров. Минул уже год с первого обстрела. Все меня теперь называли господин мэр или мэр Ганслер. У меня была своя личная гвардия из парней Бороды, а личным телохранителем, товарищем и родственником стал Никита или Никитос, как тут все его звали. Я очень привязался к парню и старался учить его всему, что знал. Таскал его по всем делам и называл Братишка, а он меня – дядя Ганслер.

Он был рождён в Стиксе, и бойцы Бороды забрали его ещё ребёнком, когда накрыли какую-то секту, проповедовавшую культ, основанный на людоедстве. Пацана приютили, обучили и взяли к себе в команду. Ему было от силы лет двадцать, юное лицо и не по возрасту крепкое телосложение. Собственно, чего я хочу? Парень всю жизнь на войне и другого мира не знает. Когда ему было жопу на чипсах перед компом отращивать?

Как обычно, я двигался быстрым шагом, суя нос в каждый угол нашего палаточного городка. Ничему не учиться на своём или чужом опыте – принципиальная позиция местных. За этот год не проходило и месяца, чтобы нас не обстреливали

за потерянный беспилотник или не прикатывала броня, по-воспитывать за злодейство тупорылых стронгов.

Каждое утро над нашим стабом пролетал дрон, но по нему никто из местных жителей никогда не стрелял, потому что если пытались сбить летающую машинку, то по стабу открывали огонь. Тогда внешники лупили из всех стволов, и канада могла идти больше часа, полностью снося все укрепления и стену, которую очень тяжело восстанавливать. Но это не главная причина. Пользы от этого маленького самолётника лично для жителей было гораздо больше. Этот малыш облетал окрестности в поисках орд, идущих вдоль реки, и по тому, где крутился БПЛА, все понимали, куда надо мылить лыжи, чтобы собрать очередную порцию ништяков. Народ радостно собирался в поисках поживы, потом гремела канада и, взяв оружие и большие сумки, выдвигался за трофеями.

Вначале выходили опытные группы, а потом все остальные. Артобстрел убивал бóльшую часть тварей, но всегда оставались подранки и те, кто оказался немного в стороне. Единичные выжившие – это совсем не то, что встретить огромную толпу заражённых.

Как и все, я жил в палатке, а прятался и хранил ценности в подвале. Каждый месяц тут появлялись новички, и кто-то обязательно решит стать зенитчиком или стронгом, напиться и пострелять по базе внешников. Местный народ задолбался восстанавливать постройки, поэтому наташил па-

латок, сложил в бункер, читай – погреб, и менял продырявленные картечными зарядами на новые. Стену нам тоже сносили, и мы сплели её из колючей проволоки, обмотав между деревьев. Легко восстанавливать и при артобстреле почти не повреждается. Теперь, кроме стены, нескольких навесов из ОСБ и брезентового тента, выполнявших роль бара, на стабе были только руины. Даже туалет мы делали в виде алюминиевого корпуса и натянутых тряпок.

У этого пролёта была и вторая сторона медали – моя майка. Серая майка, хаки и белая не означали ничего, а красная, синяя и другие цвета означали схемы артиллерийских ударов и в какое время их надо наносить. Были и экстренные знаки – кепка развесёлого бело-красного цвета. Это означало, что обстрелы городка не проводить, пока я не дам дополнительных распоряжений по другим каналам связи. Я мог сидеть перед палаткой и чистить оружие, готовить жратву и даже валяться пьяный. БПЛА передавал сигнал моей майки, и на базе прекрасно знали, к чему нужно готовиться.

За это время схемы артобстрелов были отточены до миллисекунды. Как правило, жертвами обстрела становились не местные, а те, кто давно живёт в Стиксе и пришёл сюда за халлявными спорами, причём всю группу не накрывало сразу, а то слишком много нехороших рассказов пойдёт. Как правило, убивало случайных ротозеев, причём погибали именно зенитчики и иже с ними. Потом их хоронили, и мне часто удавалось умыкнуть немного полезного прямо на стабе

из валяющихся повсюду кусков разорванных тушек, а кластер с захоронениями, куда мы стаскивали трупы, перед самой перезагрузкой проверяли парни с базы, но это мой личный секрет.

Сказать, что я палился и подставлялся? Да ладно! Брал ведро, лопату и, нагружая почки, кишки и селезёнки вперемешку с грязью и отборным матом, оттаскивал на кладбище, где вечером закопаем останки горемыки. Кости и изуродованный скелет с кусками позвонков я укладывал на куски разорванной палатки и тащил туда же. А это, между прочим, спинной мозг и отдельный тип лекарства. Неприметненько? Все старались помочь советами, но касаться крови не хотели. Из всего стаба подобной работой обычно занимался я, бойцы Бороды и ещё несколько человек, матюгая и недобро посылая многочисленную группу поддержки.

Умники с базы потом разбирали всё на молекулярном уровне, а концентрация лекарства была такая, что даже если я в миксере с калом, мочой и грязью перемешаю, они всё равно от восторга прыгать будут. Расположение кладбища я тоже заранее обговорил с Вомбатом. На первый взгляд там всё оставалось нетронутым, но спецы из парней моего начальника ухитрились лихо эксгумировать трупы долгожителей Стикса, подменяя на свежаков, которых в окрестностях базы бродили тысячи.

За этот год к нам не раз приезжали и на танках. В основном это происходило, когда у нас заводились местечко-

вые стронги, решившие вдруг побороться за независимость Стикса. На наш посёлок внешники демонстративно плевали, но если вдруг появлялись партизаны, а они появлялись обязательно, то кара следовала незамедлительно. Вомбат абы кого у себя на базе не держал. Получив по зубам, чудо-стронги откатывались с большими потерями, притаскивая раненых и изредка трупы убитых товарищей. Затем происходил тот самый ужасающий артналёт, а через некоторое время прикатывала броня. Как правило, внешники использовали БМПТ. Тяжёлая техника, заточенная на борьбу с регулярной пехотой, обладающей птурами и артиллерией, не оставляла никаких шансов. Мы, матюгая самопальных партизан, драпали по окружающим кустам, благо между приходом брони и окончанием обстрела оставался приличный люфт времени.

Самопроизвольных рейдов внешников в сторону нашего незатейливого поселения не случилось ни разу, только по поводу. А поводов хватало. Это я тоже обговаривал со своим командиром, который вначале скептически относился к большому списку условий и действий по намеченному сценарию. Я целый том инструкций написал, кто, что и когда будет делать, сколько времени займёт подход техники или, вернее, сколько должен занимать подход техники, каким оружием пользоваться и ещё куча всяких правил. Вначале Вомбат и его командирские вояки смотрели на меня, как на обезумевшего менеджера, который решил вернуться к своим бухгалтерским бумажкам, и с состраданием качали головой. У

Ганслера зуд по «кипий» проснулся, тут у многих с головой всякое бывает...

С того времени, как я ушёл к местным, на свою базу внешников ходил всего несколько раз, и только в случаях крайней необходимости, чтобы ни словом, ни делом не выдавать себя, но, судя по тому, как чётко выполнялись предписания и мои инструкции, тема с добычей лекарства подобным способом оказалась работоспособной.

Всю артподготовку мы сидели по подвалам, а потом галопом бежали в лес. Максимум, на что нас хватало, это утащить раненых, а трупы доставались внешникам. Понятно, что они такое добро не оставят. Зато потом стронги на некоторое время притихали; скрипя зубами, помогали отстраивать посёлок и даже не смотрели в сторону базы.

Кстати, вторая наша ловушка с оружием в ментовке тоже прекрасно работала. Всё чаще на парнях можно было увидеть «Валы», имелось довольно много рассказов о стычках за добро из райотдела, а потом прикатывала броня внешников. Счастливчики еле успевали унести ноги, разумеется, бросив убитых, но утащив немало стволов и снаряды. Грабить сообщая, тихо и без разборок у аборигенов не получалось, поэтому мне их было совсем не жаль. Не умеют договариваться – это их проблемы.

Оружие в полицию Вомбат давным-давно привозил сам, без моего участия. Объяснения со служителями правопорядка занимали намного больше времени, зато мне не при-

ходилось отлучаться для того, чтобы предъявить моего начальника руководителю службы правопорядка. Накладные на оружие вычитывались дольше, чем с моим присутствием, но имея на руках такие могучие ксивы и документы, отпечатанные на лучшем полиграфическом оборудовании, полицаи просто не могли не дать согласия на разгрузку.

Прибывавшие в наш стаб парни в противогазах никогда ничего не забирали из оборудования, амуниции и оружия, старались по минимуму заходить в наши подвалы, а если вдруг находили тяжелораненых, то добивали и забирали трупы. Бойцы Вомбата наверняка делали это без особой охоты, и скорее оказали бы медицинскую помощь, но аборигены этого бы не поняли. Всё, что делали люди в противогазах, выполнялось с максимальными предосторожностями. Тела могли быть заминированы, и внешники вначале сдёргивали их тросами, аккуратно срезали разгрузки, никогда не открывая подсумков, и откидывали оружие. Вполне разумно, потому что под мёртвые тела наши умники нередко подкладывали гранаты и могли придумать прочие гадости.

Общался я с базой тоже через приходы брони. В условленном месте они мне оставляли гильзу с крошечной флешкой или какую-нибудь бумажку и, соответственно, забирали моё послание на базу. Связь была нерегулярной, но в общих чертах, что происходит, кого бить и куда бежать – было понятно.

Пункт инструкции про добивание тяжелораненых я писал

сам. Было неприятно, но по-другому внешники просто не могли поступить, однако, как правило, всех легкораненых, да и почти всех тяжёлых мы всегда уносили. Было довольно много случаев, когда слегка забросанного мусором неподвижного больного, лежащего на дне подвала, как бы не замечали. Парни Вомбата довольно часто пропускали притаившихся горемык, не успевших дать дёру, если, конечно, они не начинали геройствовать и стрелять первыми. Один раз мы забыли несколько пьяных девок, которые, протрезвев и выйдя из подвала, мило подошли к БМПТ и спросили: «А чего это тут всё поломано и какого хрена танк на сортир наехал?» «Чего?» – переспросили парни в противогазах. Окончательно протрезвевшие пипетки бежали, роняя трусы и тапки, а вслед им свистели пули, выпущенные, как я полагаю, совершенно неприцельно, стараясь не повредить девичьи тела.

Так и жили. А ещё у нас появились бандиты. Куда же без них? Уркаганы установили несколько палаток немного в стороне от основного поселения, набросали вокруг мусора, держались кучкой, делали мелкие пакости. К ним я и направлялся. Пока шли, болтал с Никитосом, для которого я стал настоящим родственником, как и он для меня. Парень засыпал меня кучей вопросов про жизнь вне Стикса, а я отвечал...

– Бизнес, интеллигентность, культура и всё такое. Тема та же, только ногами не били, а бабки там вращались такие, что ни одному общаку не снились. Государственные всякие субсидии, лицензии, тендерные закупки пилили, только ты

эти слова не запоминай, а то ещё мне тебе объяснять придётся, что это значит. В этом мире таких слов не используют. Я большой бугор был. У меня в подчинении полсотни региональных отделов и продажи «би ту би» по всему региону. Сюда попал в самый отчётный период. Глаза квадратные от энергетиков, два часа ночи, к восьми утра уже надо отчёты, а многие бараны ещё даже и не шевелились. Я со всем зданием прилетел. У нас автономное электропитание, умный дом. Свет только мигнул, а сервера в подвале на автономе. Полсотни юриц и несколько бухгалтерий. Я смену обстановки сразу и не понял.

– А как выбрались?

– Помогли. Ты веришь в судьбу?

– Ага. – Братишка преданно закивал.

– И я верю. За дверью шум какой-то, за окном что-то не то, в коридоре кого-то месят. Думал, нажрались и по пьяни подрались. Соседи деловой праздник устроили. Хотел по голове настучать, чтобы не шумели и свои корпоративы внутри арендованной площади проводили. А там толпа уродов мужика в камуфляже на клочки рвёт. Я его выдернул и уволок. У меня в офисе куча лекарств была. Раны камуфляжному обколол, а потом через другой вход сдёрнули. Полдня его по сараям таскал. У него нога была погрызена и рёбра. Я как белка с мешком говна через заборы прыгал. А когда нас почти загнали, ангелы с неба спустились и всех заражённых выжгли.

По посерьёзневшему лицу Никитоса я понял, что перебрал с аллегориями.

– Эу, Братишка. Я пошутил. Не так сказал. Беспилотники то были. Они там часто летают. Толпу заражённых долбанули, и нам немного перепало. Только мы по канавам и помойкам прятались, а тварям в полный рост влупили. Просто совпадение такое. Как нам помощь понадобилась, с неба прилетели и всех разогнали.

Никитос серьёзно покачал головой:

– Не, не совпадение. Вот меня чёрный рейдер к моим первым родителям принёс, а потом их Борода убил, потому что они не только взрослых, но и детей есть стали, а это плохо. Мне с Бородой хорошо было, а потом я тебя встретил. Меня ещё никто так не учил и не воспитывал, – сообщит мне Братишка.

– Учить учу, но даже и не думал воспитывать.

– А что дальше было? – решил он вернуть меня от мистики к более приземлённым темам.

– Броня подъехала. Камуфляжного его группа искала. Потом они в рейд ушли, и я с ними больше не встречался, остался здесь, нашёл избу и место, где орду из артиллерии накрывают. Остальное ты всё знаешь. Смотри, – показал я умные часы. – В моей жизни тоже многое поменялось. Мне супруга часики подарила. Они у меня пульс показывали, сколько утром набегал и уровень стресса. В первый день, как до брони добрались, я на часы смотрел, а там сорок пять ты-

сяч шагов и стресса десять процентов. Десять процентов, когда на тебя с неба снаряды валятся и мертвяки повсюду бегают? Так жизнь и повернулась, стресс в этом мире вообще ниже плинтуса. Даже часы спрашивали, а точно ли они надежны, вроде как всё остальное работает, а стресса нет. Часики эти до сих пор таскаю. Так и жалуются, что стресса нет, померить не могут. Ну какие тут нервы, когда на всём готовом, а из забот только споранов наковырять да в магазине витрину разбить, жратвы набрать? В общем, мне тут хорошо, а у меня ещё и ты есть, – потрепал я Никитоса за волосы.

Собственно говоря, пока болтали, и дошли. Маляй сидел на туристическом стуле около палатки в компании ещё двух местных уркаганов, которые уютно разместились на корточках. Я показал знаком, чтобы подельники оставили нас наедине и, когда преисполненные гордости, чтобы не потерять личной самооценки, дружки удалились, сказал:

– Привет!

И, улыбаясь самым дружелюбным способом, стукнул носком берца по ноге Маляя, чуть ниже коленной чашечки. Попал. Никита сдёрнул негодяя за шкуру и слегка придержал, чтобы тот не сразу упал на землю, а я ещё раз стукнул, стараясь попасть по тому же месту. Как только я стукнул, Маляя отдали на волю гравитации, и он плюхнулся мордой в пыль.

– А-а-а! Мэр! А почему ты меня бьёшь? Меня всегда Бра-тишка бил, – завопил гадёныш.

– У меня удар сильнее. Это потому, что дело касается каз-

ны стаба. Среди нас кто-то забыл, что бабки торчит, – ответил я и дал носком берца, опять стараясь попасть по ноге.

– Я отдам! Я всё... – Честную речь прервал ещё один тычок под рёбра, но уже от Никитоса. Опытные в таких делах мягкие походные ботинки Братишки били точно и очень больно, но так, чтобы не оставлять ни внутренних, ни внешних видимых повреждений.

– Через неделю принесёшь вдвое больше. Жду в офисе. Хотя... – Я сделал задумчивое лицо и опять стукнул по ноге валявшегося на земле жулика.

Меня этому наши парни с базы научили. Узнав, что я интересуюсь вопросом, а ещё и имею очень специфичное околomedicalное образование, меня просто завалили уникальными знаниями. Взяв бутылку хорошего спиртного, спецура с удовольствием развлекала себя моим обучением, когда я сидел за стенами укрепления. Не думал, что пригодятся столь специфические умения. Учился больше из природного любопытства. Навыков не было, так, почти теория, и даже не думал, что попаду Маляю по нужному месту, особенно с первого раза. Но влупил очень удачно. Тело гадёныша дёрнуло, будто электрическим током пробили.

– А-а-а! Ганслер! А-а-а! Ну ты!..

– Хорошо пошло, – прокомментировал я и дал ещё раз. Наверное, слегка промахнулся. Прилетело сильно, но должного эффекта не получилось. Это я хорошо вижу, всё-таки столько лет заниматься большим бизнесом и переговорами.

Однако завопил он со всем чувством и возможным артистизмом, а я решил сделать вид, что доволен попаданием и удар пошёл в зачёт общего количества тумачков, которые собирался выдать. Бандос постанывал, а я загадочным тоном произнёс:

– Есть у меня хорошая идея. Я тебе все долги прощу.

На роже лежащего на полу добросовестно поскуливающего бандюка отразилось искреннее удивление и непонимание. Я не всегда различаю эмоции, особенно у чиновников или прожжённых топов. По таким никогда не понятно, что у них в голове, а вот у мелких жуликов всё читается хорошо. Поскуливания прекратились, и на лице отразился почти детский восторг от предложения, от которого нельзя отказаться.

– Ганслер, ты мне всё простишь?

– Ага, я тебе ещё и денег дам, чтобы ты со своими долгами рассчитался, – и кинул ему на землю кулёк с полусотней горошин.

– Это мне? – на всякий случай переспросил он с нижнего яруса, ловко сгребая ценности.

– Конечно тебе. Если не хватит, ещё дам, только в одной бумажке надо кровью будет расписаться, – как можно обыденнее ответил я.

В ответ получил непонимающие глаза. Это хитрожоп наверняка книжки читал, возможно, даже институт закончил или как минимум что-нибудь вроде техникума. Немного понаблюдав за реакцией гадёныша, я криво улыбнулся:

– Это была шутка. Обойдёмся без крови и мистики. Если что пойдёт не так, то у нас Стикс. Поймаю, отрежу уши, выколю глаза, дам хорошего знахаря, а когда отрастут, повторю процедуру снова. И буду повторять, пока не надоест, или не посчитаю вину искупленной. Кормить стану через капельницу, так что с голоду подохнуть не удастся. – Я дружески улыбнулся, помог подняться с земли и даже немного отряхнуть пыль с одежды Маляя.

– Ганслер, всё хорошо будет. Правда. Ты же знаешь. Ну, задолжал немного, но я никогда не подводил.

– У тебя день, чтобы рассчитаться со своими карточными долгами. Если не хватит, скажешь, сколько нужно. Завтра к вечеру явишься, и я сообщу, что делать.

Он мелко и боязливо закивал. На самом деле мне и утруждать себя не особо нужно. Про отрезание ушей была аллегория. Я об этом гадёныше столько всего знаю, что мне самому и делать ничего не придётся, достаточно просто немного проболтаться. Думаю, найдётся немало народа, который сможет придумать что-нибудь получше, чем мои дилетантские отрезать уши и выколоть глаза. Я кивнул, и ожидавшее от меня одобрительно взгляда тело сдриснуло на третьей космической, всем своим видом показывая, что его очень-очень сильно побили, он унижен и готов на всё-всё-всё, особенно когда хорошо платят.

О настоящем сером кардинале этих мест, Вомбате, разумеется, никто не знал. Ведь именно он мог отдать приказ,

а через три минуты артиллеристы были готовы сделать первый залп и положить конец всему этому безобразию, называемому Стаб Чудес. Но, как оказалось, местное пространство Стикса просто кишит царьками, князьками и прочими головастиками, решившими заполучить мировое господство. Сразу несколько групп заинтересованных лиц решили прибрать моё поселение под свой контроль, а группировка, в которую входила бригада Бороды и хозяин кабака – сохранить свой контроль. И да, с первого дня мне было понятно, что парни приставлены не только охранять, но и следить. Как только начали сгущаться корпоративные тучи, я съездил к соседям и, заявившись в кабак к хозяину заведения, заявил, что я с теми, у кого лежит моя трудовая книжка, и менять ничего не собираюсь.

Собственно говоря, именно поэтому мне и понадобились уши Маляя. Бандиты были в курсе всего, совали носы во все места и при должном обращении могли стать бесценным источником информации. Конкретно этот представитель был шустр, информирован, не последний человек в иерархии, жаден до денег, и у меня на него было целое корыто компромата, за который тут к деревьям в лесу проволокой привязывают. А дальше сами понимаете.

Через два дня состоялась деловая встреча. Для разговора мы вышли за периметр поселения и немного отошли. Мне совсем не хотелось случайных любопытных ушей и лишних свидетелей. Никитос привычно стоял рядом, чуть сзади ме-

ня, а Маляй, словно ждущая кость собака, преданно смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.